

«МЕСТОРАЗВИТИЕМ БУДЕТ ВЕСЬ ЗЕМНОЙ ШАР...»

ИЗ НАСЛЕДИЯ КОНСТАНТИНА ЧХЕИДЗЕ¹

Имя Константина Александровича Чхеидзе¹ (1897–1967), писателя, мыслителя, публициста — в последние годы все чаще появляется на страницах книг, статей, публикаций, посвященных истории евразийского движения². Долгое время в нем видели лишь соратника П. Н. Савицкого, фигуру второго, а то и третьего ряда. Однако чем глубже погружаемся мы в историю евразийства конца 1920-х — 1930-х гг., чем пристальнее вглядываемся в его пост-кламарский этап, тем отчетливее укрупняется масштаб личности Чхеидзе. Разработка московских и пражских архивов демонстрирует широту идейных и творческих контактов писателя с лидерами и рядовыми участниками евразийского движения, представителями других пореволюционных течений (новоградцами, утверждениями, народниками-мессианистами и др.), деятелями философской эмиграции. Становится явственным внимание Чхеидзе не только к орга-

низационной стороне евразийства, но прежде всего к его идейной платформе, к расширению духовных и мировоззренческих горизонтов.

Выходец с Кавказа, Чхеидзе активно занимался национальной проблемой, размышлял о принципах и перспективах взаимодействия больших и малых народов на пространстве России-Евразии. Вел активную переписку с лимитрофами, поддерживая евразийские группы в Латвии, Литве и Эстонии:

посылал книги и материалы, побуждал молодых евразийцев к активному содуманию и сотворчеству, к выступлениям в печати и на публичных площадках.

В Праге К. А. Чхеидзе, потомок грузинского княжеского рода, оказался осенью 1923 г. До эмиграции был кадровым офицером, служил в Кабардинском конном полку (Дикая дивизия), в годы

КАЖДАЯ ФОРМА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УСТРОЙСТВА ИМЕЕТ
ОПРЕДЕЛЕННУЮ
ВЫРАЖЕННУЮ
ТЕНДЕНЦИЮ
К ЭКСПАНСИИ

Гражданской войны являлся личным адъютантом начальника Кабардинских частей генерала Заур-Бека Даутокова-Серебрякова. Пережил исход из Крыма, эвакуацию на о. Лемнос, два года был чернорабочим в Болгарии, сменив почти 14 профессий (дровосек, кочегар, каменщик, грузчик, землекоп и т.д.). Чехословакия открыла бывшему корнету возможность учиться и стать писателем. Чхеидзе активно участвовал в культурной жизни русской Праги, являлся членом Пражского Фило-

¹ © К. А. Чхеидзе, наследники. Публикация. © А. Г. Гачева. Вступительная статья, подготовка текста, примечания.

² См.: Hagemeister M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 430–435, рус. пер.: Европейская эмиграция // Начала: Религиозно-философский журнал. 1993. № 1. С. 120–142; Гачева А. Г. Неизвестные страницы евразийства: К. А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167; Макаров В. Г. Евразийство; К. А. Чхеидзе // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 142–149; 613–616.

софского общества, литературного кружка «Далиборка», Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, был одним из создателей и руководителей Кружка по изучению современной русской литературы при Русском народном университете в Праге. Сотрудничал в русских и чешских периодических изданиях, налаживая культурные связи эмиграции с чешской интеллигенцией, писал романы, рассказы, статьи.

В евразийское движение Чхеидзе вступил в 1924 г. Студент второго курса Русского юридического факультета стал для профессоров Г.В. Вернадского, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого не только учеником, но и соратником. С конца 1920-х он — член ЦК евразийской организации, один из наиболее активных и авторитетных деятелей Пражской группы, входит в редколлегии основных евразийских изданий, активно выступает как публицист. В евразийстве Чхеидзе, русский по матери, грузин по отцу, выросший в многонациональном Моздоке, стремился, по его собственному признанию, найти «синтез Востока и Запада»³, обрести цельность мысли и действия. При этом он не считал плодотворным для движения обособленность и закрытость, настаивая на «соборе сил эмиграции». Вопрос о «подлинном содержании» евразийской идеократии, о сущности пореволюционной идеи был для него вопросом о целостной неущербной идеологии, о построении «конечного идеала».

Выражение «конечный идеал» Чхеидзе взял у философа Н.А. Сетницкого, продолжателя идей Н.Ф. Федорова, с 1925 по 1935 г. работавшего в Харбине в Экономическом бюро КВЖД. Переписка с ним завязалась в 1929 г. и длилась до отъезда Сетницкого в СССР. Эпистолярное общение, чтение текстов Федорова, Сетницкого и его московских друзей-философов А.К. Горского и В.Н. Муравьева сделало Чхеидзе убежденным сторонником «Философии общего дела». С начала 1930-х гг. он активно продвигает ее в русской эмиграции и особенно в евразийской среде, стремясь на новом витке, уже после Кламара, соединить евразийство, одушевленное пафосом исторического делания, с активным христианством Федорова, дающим этому деланию высшую религиозную цель, примирить идею самобытности России-Евразии с идеей всечеловечности, которую вбросили в духовную почву России Достоевский, Федоров, Соловьев.

Во время Второй мировой войны Чхеидзе участвовал в движении Сопротивления, в 1945 г. был арестован органами «СМЕРШ» и несколько лет провел в советских лагерях, после чего вернулся в Прагу. В последние годы жизни писатель работал над обширными воспоминаниями, во второй части

Николай Сетницкий (1888–1937) — экономист, статистик, философ и эстетик, последователь учения Н.Ф. Федорова. С 1918 вместе с А.К. Горским в занимался развитием и пропагандой идей Федорова.

Николай Устрялов (1890–1937) — правовед, публицист, политический мыслитель, один из родоначальников сменовеховства, называл свое учение «национал-большевизмом».

которых писал о трудах и днях пражской эмиграции 1920–1930-х гг., уделив особое внимание евразийству⁴. Здесь же он рассказал о проекте, благодаря которому многие материалы, запечатлевшие историю исканий «нового синтеза», были сохранены.

Именно по инициативе Чхеидзе в апреле 1933 г. в Национальном музее в Праге было основано отделение «Fedoroviana Pragensia». Главной его задачей был декларируемый «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»⁵, но фактически с самых первых шагов тематический горизонт архивной коллекции был сознательно расширен Чхеидзе, и спустя 82 года со дня создания Пражской Федоровианы в ней отложились документы, проливающие свет и на историю организованного евразийства, и на динамику взаимодействия пореволюционных течений, и на судьбы их деятелей⁶, и на споры о путях России и мира, которые они вели, памятуя о том, что находятся «не в изгнании», но «в послании».

По материалам Fedoroviana Pragensia, а также личного фонда К.А. Чхеидзе в ГАРФ и подготовлена настоящая публикация. Она включает в себя статью Чхеидзе «К проблеме идеократии» и фрагменты его переписки с Н.В. Устряловым.

Статья «К проблеме идеократии» была написана в 1933 г. для второго выпуска сборника «Вселенское Дело», посвященного памяти Н.Ф. Федорова, который составлял и готовил к печати Сетницкий. Сборник задумывался как опыт взгляда на современность сквозь призму федоровского проекта,

4 Публикацию главы воспоминаний о русской Праге, подготовленную М. Магидовой, см.: Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Praha, 2011. С. 29–215.

5 Проект официального обращения Чешско-словацкого национального музея об открытии фонда Fedoroviana Pragensia // Литературный архив Музея национальной литературы. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.37. В дальнейшем ссылки на эту коллекцию даются в скобках после цитаты: после аббревиатуры FP ставится номер архивной коробки.

6 См.: Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 836–848; Гачева А.Г. Fedoroviana Pragensia. Вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение // Slavica: časopis po slovansku filologii. Roč. 80. 2011. № 2–3. S. 233–248.

3 Чхеидзе К.А. «Моя тема — Кавказ» // Чхеидзе К.А. Страна Прометей. Нальчик, 2004. С. 215.

как попытка предложить и Советской России, и эмиграции «идею преобразования и преображения мира, мысль о всеобщем труде, о путях этого труда и цели его — всеобщего воскрешения и «восстановления всяческих»» как основу целостного социального действия, как образ той «Русской Идеи», которую должна принести миру Россия⁷. Статья Чхеидзе подводила к проекту Федорова через концепцию идеократии: испытывая идеократические системы прошлого и современности, писатель и публицист шел к идее «совершенной идеократии», построенной на «конечном идеале».

При подготовке статьи к печати Сетницкий сделал в ней мелкую правку, немного трансформировал заглавие (у Чхеидзе: «К проблеме идеократии», в редакции Сетницкого: «Проблема идеократии») и сократил текст, выпустив фрагмент, где с опорой на идеи П. А. Флоренского Чхеидзе писал о гносеологических основаниях проблемы идеократии. Причины сокращений он объяснял не несогласием с позицией автора, а слишком большой плотностью и «перегруженностью» статьи⁸. В ответном письме (29 марта 1934 г.) Чхеидзе выражал сожаление, что статья сокращена, подчеркивая, что «в выпущенных страничках содержится наиболее (если не интересная, то) значительная часть», и советуя последователям Н. Ф. Федорова «обратить внимание на гносеологию»⁹. Также Сетницкий в финале статьи прямо раскрыл намек Чхеидзе на философию Н. Ф. Федорова как источник для построения целостного идеала, совершенной идеократии. В таком виде статья и была напечатана в сборнике «Вселенское Дело»¹⁰.

В настоящей подборке статья печатается по авторской машинописи, сохранившейся в собрании Fedoroviana Pragensia (FP. I.3.37), — в том варианте, в каком она вышла из рук Чхеидзе.

Переписка К. А. Чхеидзе с философом и публицистом, главным идеологом сменовеховства Николаем Васильевичем Устряловым (1890–1937) началась в 1930 г. и длилась до момента отъезда Устрялова из Харбина в Россию в мае 1935 г. Переписка, охватывающая период 1930–1933 гг. (44 письма Устрялова и 27 писем Чхеидзе), хранится

в собрании Fedoroviana Pragensia в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (ф. 142), переписка 1934–1935 гг. — в Государственном архиве РФ в составе личного фонда К. А. Чхеидзе (22 письма Устрялова и машинописные копии двух писем Чхеидзе).

Из многотемной и содержательной переписки, представляющей ценный материал к истории идейных и творческих контактов евразийцев с главным идеологом сменовеховства, мы вычленили для публикации два сюжета: идейный и исторический.

Первый связан с вопросом искания новой синтетической идеологии, занимавшим в начале 1930-х гг. и Устрялова, написавшего на эту тему статью «Пути синтеза», и К. А. Чхеидзе, стремившегося к расширению евразийской платформы на основе идей Н. Ф. Федорова и к построению «совершенной идеократии».

Второй сюжет касается дальневосточных событий — вторжения Японии в Манчжурию, создания марионеточного государства Маньчжоу-го, конфликта интересов России и Японии на Дальнем Востоке. Письма Н. В. Устрялова и вырезки из

харбинских газет, которые он регулярно посылал К. А. Чхеидзе, стали для евразийцев значимым материалом к трактовке «дальневосточной проблемы». Стремясь содействовать более точному ознакомлению европейской культурной среды с ситуацией на Дальнем Востоке, трансляции тех оценок, которые давал китайско-японскому конфликту Устрялов, в марте 1932 г. Чхеидзе привлек последнего в качестве дальневосточного корреспондента к сотрудничеству в чешском информационном агентстве «Центральная европейская пресса», и оно длилось до лета 1932 г.

В переписке К. А. Чхеидзе и другого его эпистолярного собеседника — Н. А. Сетницкого — обе темы (построение целостной идеологии и «Россия и Дальний Восток») также поднимались неоднократно, образуя поле творческого напряжения между тремя участниками параллельного диалога. Обширный фрагмент этой переписки опубликован¹¹, и мы отсылаем к нему читателя. Здесь же приведем лишь несколько фактов, касающихся дальневосточной проблемы.

Если в переписке Устрялова и Чхеидзе центр тяжести смещен на японско-китайские дела, а через них и на русско-японские, то в письмах Сетницкого в центре стоит прежде всего Китай. Сетниц-

НАРОЖДАЕТСЯ ПАФОС НЕ-СВОБОДЫ, И ОН ГРОЗИТ ПРИБРЕСТИ ХАРАКТЕР НОВОГО ИДОЛА

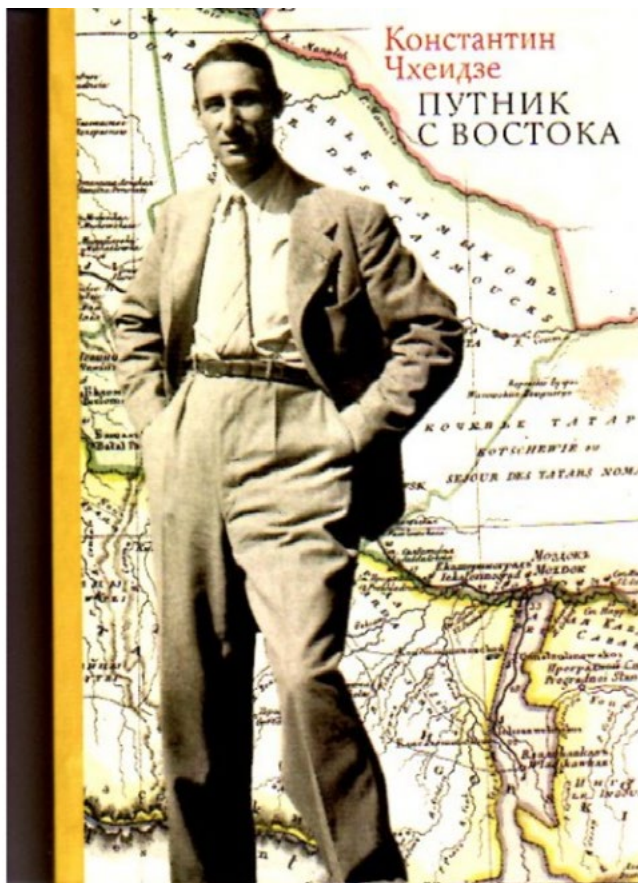
7 От редакции [Н. А. Сетницкий] // Вселенское Дело. Вып. 2. Рига [Харбин], 1934. С. III, IV.

8 См. письмо Н. А. Сетницкого К. А. Чхеидзе от 23 января 1934 // FP. I.3.37.

9 Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1: Н. А. Сетницкий. М., 2003. С. 434.

10 Чхеидзе К. А. Проблема идеократии // Вып. 2. Рига [Харбин], 1934. С. 44–60.

11 Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1: Н. А. Сетницкий. С. 382–450.

кий в качестве сотрудника Экономического бюро КВЖД занимался проблемами экономики Китая и Манчжурии, являлся автором специальных статей, принимал участие в коллективных трудах. В 1931–1933 гг. он периодически сообщал Чхеидзе о новых харбинских и шанхайских изданиях по истории и экономике Китая и даже посылал некоторые издания. Делая это, Сетницкий имел в виду не только Чхеидзе, но и П. Н. Савицкого, который

в 1932 г. выпустил книгу «Месторазвитие русской промышленности», а в 1933 г., продолжая разработку вопроса об экономическом пространстве Евразии, затрагивал и проблемы экономики ее дальневосточных соседей. Благодаря Чхеидзе за присылку указанной книги, Сетницкий подчеркивал, что Савицкому «следовало бы просмотреть издания КВЖД: они дали бы ему очень много материала для его всегда интересных построений»¹². А когда Чхеидзе передал своему корреспонденту просьбу Савицкого выслать ему харбинские экономические издания, сообщив, что тому «заказана одним солидным местным социологическим журналом большая статья — в печатный лист — о экономике Д<альнего> Востока, точнее — о работах русской харбинской школы в области экономики ДВ»¹³, Сетницкий незамедлительно прислал книги, в том числе издания из своей личной библиотеки. Что касается Чхеидзе, то он способствовал распространению в эмигрантской, в том числе евразийской, среде брошюры Сетницкого «СССР, Китай и Япония: начальные пути регуляции» (Харбин, 1933), а П. Н. Савицкий посвятил этой работе одно из выступлений на заседании Пражской евразийской группы.

При подготовке текстов к печати максимально сохранены особенности орфографии и пунктуации подлинника. Письма приводятся с сокращениями и во фрагментах, чтобы выпуклее предстала основная смысловая линия публикации. Конъектуры публикатора помещены в квадратных скобках, расшифровки сокращенных слов — в угловых.

*Вступительная статья,
публикация и комментарии А. Г. Гачевой*

¹² Н. А. Сетницкий – К. А. Чхеидзе. 28 января 1933 (FPI.3.37).

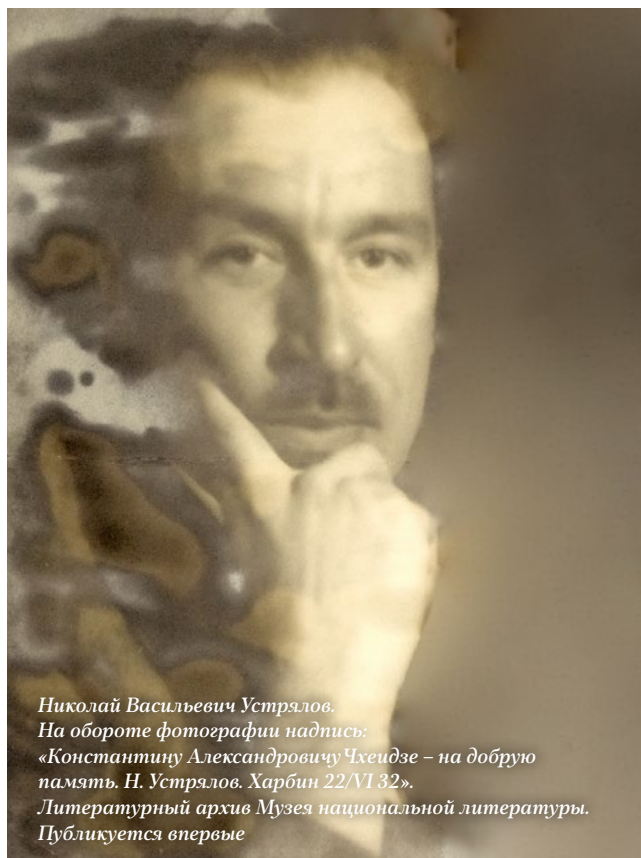
¹³ К. А. Чхеидзе – Н. А. Сетницкому. 13 января 1933 (FP. I.3.27).

Со стороны формальной — монархия есть правление одного, аристократия — правление немногих, демократия — правление многих, в идеале правление, если не всех, то от имени всех и во имя всех. В течение веков эволюция образов правления состояла в расширении понятия носителей суверенитета. «Государство — это я» (королевский абсолютизм) сменяется «буржуазной эпохой», в течение которой знаменитая фраза аббата Сийэса («Чем было третье сословие? — ничем; чем оно должно стать? — всем!»)¹⁴ отнюдь не была «пустым звуком»; в дальнейшем в управление государством вовлекаются все новые и новые массы (пролетариат, женщины, натурализованные иностранцы и т.д.).

Со стороны внутренней: принцип монархии — династия, аристократии — происхождение, демократии — воля большинства, в которой видят общую волю населения данного суверенного государства.

Каждая форма государственного устройства имеет определенно выраженную тенденцию к экспансии. Закон творения по своему образу и подобию действителен и в области режимов. Французские республиканцы клялись превратить весь мир в республику. Императорские орлы Наполеона всюду, где они побеждали, содействовали возникновению «узурпаторских» монархий. В конце концов восторжествовали «законные» государи, образовавшие Священный союз. Священный союз опять-таки задавался целью повсеместного насаждения и укрепления законного образа правления, т.е. династического принципа... Однако великая война и пронесшиеся вслед за ней революции (в России, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Испании и др. странах) принесли лавры демократии. Кульминационным пунктом демократии явились: Версальский мир и учреждение Лиги Наций. Поистине можно сказать, что торжественное признание демократического образа правления за истинный, справедливый и идеальный носило тогда характер такого события, которое определяет ход всемирной истории.

И вот в годы величайшей славы вдруг раздаются сначала тревожные и полные недоумения (даже страха), а потом все более уверенные голоса о кризисе демократии. К концу двадцатых годов XX столетия сознание кризиса становится всеобщим: самые ярые защитники демократии как принципа и как нынешней парламентарной формы его выражения — не отрицают наличия кризиса; в неко-

Николай Васильевич Устрялов.
На обороте фотографии надпись:
«Константину Александровичу Чхеидзе — на добрую
память. Н. Устрялов. Харбин 22/VI 32».
Литературный архив Музея национальной литературы.
Публикуется впервые

торых странах устраиваются даже анкеты с запросом: где и в чем выход из кризиса.

Но правильнее спросить — в чем существо кризиса демократии?

История современного светского государства начинается там, где кончается история средневековой теократии. Правы те, кто утверждает, что только сейчас окончательно отмирают отдельные элементы средневековых воззрений и связанные с ними условности государственной жизни и житейского обихода. Первая серьезная брешь в броне целостного идеала средневекового государства была пробита, когда раздалось волшебное слово свобода. В те времена это относилось к вероисповеданию, но впоследствии взрывчатая сила свободы распространилась и на другие области жизни. Весь новейший период, начинаемый обычно с гуманизма, идет процесс расширения понятия свободы, причем в понятие это вкладывается отрицательное содержание. Мы видим, как стремление освободиться от «деспотизма в делах веры» дополняется и углубляется стремлением освободиться «от абсолютизма верховной власти»; далее обнаруживается воля к эмансипации «от экономического гнета», «от семейных и родственных уз», «от норм общественной нравственности», «от всякого рода условностей и предрассудков», в число которых каждый включает то или иное правило поведения соответственно своим воззрениям, вкусам и общему культурному уровню. В момент, когда отрицательная свобода достигла умопомрачитель-

¹⁴ Выражение Эмманюэля Жозефа Сийэса (1748–1836), аббата, дезде-ля Великой французской революции, автора брошюры «Что такое третье сословие?» (1789; рус. пер. — 1906), в которой была дана критика феодального абсолютизма, а в качестве основной политической силы выдвигалась буржуазия.

ных пределов (напр<имер>, сексуальная свобода, конкретизировавшаяся в легализации педерастии; экономическая свобода, при которой оказалось возможным сжигать миллионы тонн зерна; свобода нравов, выразившаяся в публичном нюдизме и т.д.), — раздаются призывы к пересмотру всего строя современной жизни; пропагандируется переоценка всех ценностей, при которой начисто отрицается всякая свобода; наконец, из разных стран и по разным поводам высказывается мысль о необходимости возврата к средневековью или о самочинной тяге разных сторон нынешней жизни к установлению «нового средневековья» (Н. А. Бердяев, ср. О. Шпенглер, проф. Виппер и мн<огие> др<угие>)¹⁵.

Еще не остыл пафос превознесения свободы — и уже возникает сомнение в ее разумности и пользе. Нарождается пафос не-свободы, и он грозит приобрести характер нового идола. Этот пункт требует тщательного рассмотрения.

Все ли заслуживает осуждения в той (отрицательной) свободе, о которой говорилось выше? Возможно ли было [без нее] раскрепощение мысли, принесшее необыкновенный расцвет науки — этой гордости человечества? Отрицательная свобода, и только она, обусловила грандиозный рост положительных знаний и связанного с ним технического прогресса. Это же оружие сразило феодализм, крепостное право, закабаление женщины. Есть взгляд, что только отрицание средневековой оценки человека как вечного раба Божия открыло путь к осознанию человеком своего богосыновства. Великие фигуры дерзателей и пророков типа Ницше, Вагнера, Эдисона, Достоевского, от которых начинается отрицание отрицания, — законный плод предыдущей эпохи. Век отрицания, тесно связанный с явлением индивидуализма, дал бесконечную галерею героев в самом подлинном и глубоком смысле этого слова; но яркой и роковой чертой их является крайнее одиночество. Весь

15 «Новое средневековье» — выражение Н. А. Бердяева из книги «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (Берлин, 1924), в которой выражалась мысль об изживании духовных начал Новой истории, о современной эпохе как об эпохе кардинальной смены оснований сознания и культуры, подобной времени перехода от Античного мира к Средним векам. Идея «нового средневековья» возникла у Н. А. Бердяева под влиянием осмысления книги О. Шпенглера «Закат Европы», в которой тот отказался от привычной концепции последовательной смены эпох: «Древний мир — Средневековье — Новое время», выдвигнув на передний план идею противоборства цивилизации и культуры. Тезис о «возврате к средневековью», трактуемый как процесс «восстановления», «возрождения культуры», высказывал и Р. Виппер (Виппер Р. Круговорот истории. М.; Берлин, 1923. С. 8).

байронизм с его привлекательными и отталкивающими чертами вышел из недр отрицательного мироощущения.

Уже это (далеко неполное) перечисление завоеваний человечества, основанных на отрицательной свободе, показывает, что и в этот период действовал «разум истории». И тем не менее надо признать, что другой своей стороной отрицательная свобода принесла людям великий, болезненно переживаемый ущерб. Век гуманизма, когда отдельный человек признавался «мерой всех вещей», отучил этого самого человека мыслить общими представлениями. По мере возрастания научных сведений происходила крайняя дифференциация отдельных областей знания и уродливая специализация в каждой данной области. Параллельно увеличению материального благосостояния общества наблюдалось т<ак> наз<ываемое> разделение труда, ведущее за собою (в силу социальных условий) сужение духовных запросов людей и их внутреннее разделение. В Средние века между королем и крестьянином было больше точек взаимного понимания и общих интересов, чем в Новое

время между двумя обитателями небоскреба, из которых один занимает весь этаж, имеет автомобили, яхту, высшее образование, гарем в нескольких мировых столицах и т.д., а другой занимает половину комнаты на 101 этаже, питается горохом и «газетой-копейкой», работает 12 часов в день и ждет счастья от лотерейного билета. Но взаимное непонимание этих двух людей в области жизненных удобств

ГЛАВНЫЙ ПОРОК ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СВОБОДЫ В ТОМ, ЧТО ОНА ПРИВЕЛА СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К УТРАТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПОНЯТИЙ

и удовольствий — вещь ничтожная сравнительно с тем хаосом полумыслей и смутным зародышем понятий, когда дело касается высших предметов. Нет никаких «религий» (связей) между массами современников, как только оказываются они перед вопрошающим и грозным лицом вечных проблем. Фр. Ницше предсказывал, что будущие окончательно эмансипированные люди «будут мигать»¹⁶. Он упустил из виду другую возможность — они смогут взрывать, травить и уничтожать, упиваясь стихией разрушения.

Нужно признать, что главный порок отрицательной свободы состоит в том, что она привела современное цивилизованное человечество к утрате

16 Имеется в виду пассаж из первой речи Заратустры, героя книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1892), в котором он рисует будущее «мещанское» человечество, заклинившееся в своей ограниченной природе, не стремящееся восходить: «Счастье найдено нами», — говорят последние люди, и моргают» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. СПб., 1911. С. 10).

культуры общих представлений и понятий. Множеству, во всяком случае, обилию гениев-одиночек ни в какой степени не соответствует воля к гениальности у народов, вообще у больших коллективов. Скажем заранее и намного предваряя изложение: секрет пусть временного, пусть отвратительного (для сознания тех или иных людей), однако бесспорного успеха коммунизма, фашизма и национал-социализма именно в том и состоит, что эти массовые движения будят у больших коллективов волю к гениальности. Чтобы конкретизировать эту мысль примером, вспомним несравненные памятники Средних веков — они высятся, подобно мощному порыву бесчисленных волей, окаменевших в момент величайшего молитвенного восторга на площадях городов. Есть ли в недавней действительности что-либо соответствующее этим великанам?¹⁷ Потеря сознания, формулированного в тезисе средневековых реалистов: «*universalia sunt realia*¹⁸», жестоко мстит за себя. Самое убедительное свидетельство нашего коллективного мирозерцательного бессилия заключается в чреватой потрясающими последствиями дисгармонии между непомерно и безгранично развившимся научно-техническим прогрессом и поразительно жалким, уродливо слабым духовно-моральным уровнем. Необыкновенно грустное чувство овладевает читателем, не совсем отказавшимся от человеколюбия, при знакомстве с достижениями в деле выработки газов и динамитов. С точки зрения культуры общих представлений, современные народы напоминают детей или недорослей, в руки которых попали револьверы и адские машины. Директор парижской школы химии и физики проф. Ланжевен¹⁹ заявил, что материального спасения от газов и динамитов — нет. Есть надежда, что пропаганда мира спасет народы от взаимного истребления. Это обращение к слову, к власти духа над материей — ведь «в начале было Слово!»²⁰, — чрезвычайно характерно для отмеченной здесь дисгармонии... Есть ученые, утверждающие, что мир идет к гибели через саморазрушение! Такого рода заявления констатируют бессилие аналитически воспитанной научной мысли овладеть ею же разбуженными стихиями природы. Но когда отступает анализ — синтез вступает в свои права. Он прежде всего стремится установить причинно-следственную связь, найти «концы и начала».

17 Редактируя статью для сборника «Вселенское Дело», Н. А. Сетницкий делает здесь следующую вставку: «Разве что гигантские "братские могилы" 1914–1918 годов могут сравняться с ними по "количеству затраченной энергии"» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 48).

18 *Universalia sunt realia* — формула средневекового реализма, согласно которому универсалии существуют реально и независимо от сознания.

19 Имеется в виду Поль Ланжевен (1872–1946), французский физик и общественный деятель, с 1925 г. — директор Школы индустриальной физики и химии, преобразованной им годом спустя в высшее учебное заведение.

20 Ин. 1:1.

Аналитическое мышление развилось на почве отрицательной свободы и внутренне связанного с ней индуктивного метода. (Не забудем, что в споре реалистов с номиналистами победили последние; из номинализма исходило все протестантство; между индуктивным методом Бэкона²¹ и номинализмом — совершенно очевидное сродство. Опять-таки забегая вперед, обратим внимание на замечательное совпадение: фашизм и национал-социализм, едва преодолев индивидуалистическую стихию, спешат заключить конкордат с Римской Церковью — живой носительницей реалистической концепции — в философском смысле этого слова.) Отрицание и анализ были двумя ногами кумира-прогресса — истинного божка недавнего времени. Нельзя отрицать, что в области естественных и технических наук эти «ноги» способны были делать семимильные шаги. Человечество мчалось. — Куда? — «вперед». — Что такое «вперед»? Но чтобы основательно задуматься над этим вопросом, переключающим мышление в «ненаучные» проблемы, понадобился 1914 год и все последующие.

Преобладание аналитического подхода предопределяло установки сознания в области общественных отношений. Вопреки материалистам, не «бытие определяет сознание», но наши представления о форме и содержании социальной жизни являются проекциями сознания на живые процессы социального развития. Говоря шире — сознание, повинувшись логике мировоззрительных установок, как бы отбирает из явлений социальной жизни то, что с ним наиболее согласуется. И так как аналитическая установка требовала расчлененного, разделительного представления об общественном строе, то неудивителен успех классовой теории, которая, как на это показывает само название, «классифицировала» людей, подобно тому как энтомолог классифицирует жучков. Но энтомолог в своей работе руководствуется положительными и для всех очевидными признаками; тогда как и сам основатель классовой теории К. Маркс не мог дать точного определения «класса». Замечателен закономерный параллелизм явлений расчленения и распада, который присущ разным областям общественной жизни того периода. Сознание, приученное сосредоточиваться по разделительным моментам и не замечать объединительных, затрагивает семью, общество, нацию, государство, всюду действуя подобно скальпелю хирурга. Прикоснувшись к супружескому союзу («Да будут двое в плоть едину»²²), он подчеркнул женскость женщины и мужескость мужчины; природное поделение

21 Н. А. Сетницкий после этих слов вставляет следующий пассаж: «от которого ведет свое происхождение современная наука» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 49).

22 Быт. 2:24.

на две половины (русское слово «половой», «пол», происходящее от половины, т.е. как бы нечто единое разделили на половины, прекрасно передает картину естественной дисгармонии человеческой природы. Вспомним, что первые слова Библии говорят о создании человека, а не мужа или жены. Так же французское *секс*, отсеченный — новая иллюстрация той же мысли о поле) — усиливаясь сугубым вниманием в сторону их противоположностей. А это повело к противопоставлению полов, которое сказало в расшатывании семейных устоев, ссорах, разводах и пр. Литература описываемого времени, от Гюи де Мопассана до Арцыбашева, дает бесчисленное количество ярких образцов влияния аналитического мышления на семью. Вместе с тем это же мышление (вместе с другими факторами, как экономический) содействовало совершенно небывалому обострению «женского вопроса». Никакими «социальными причинами» невозможно объяснить ту нервозность, несправедливую обоюдную злость, невероятные взаимные неправды, которыми сопровождались «эмансипация», «суффражизм» и пр. Все это имеет корни не в «социальном» (вернее, не столько в социальном), сколько в психопатологическом — на почве аналитического раздражения половой иноприродности мужчины и женщины. Отголоски минувших боев отнюдь не являются редкостью и в наши дни. Однако это лишь отголоски.

Общественно-политическая жизнь аналитической эпохи представляет собою непрерывную войну «классов», возобновившуюся и в послевоенную эпоху, чем до крайности осложнен и без того тяжелый кризис демократизма. Можно даже сказать, что общественно-политическая жизнь, как сердцевина государственного целого, является главным полем разыгрывающейся битвы. Соответственно расширению понятия носителей суверенитета увеличивалось число активных социальных сил, вовлекаемых в столкновения и борьбу. Если, говоря символически, раньше боевым полем был королевский или царский трон, а впоследствии «общее собрание представителей правящего сословия», будь то дворяне или буржуазия, то теперь наступили времена, когда все сословия приняли деятельное участие в государственной жизни. Само по себе положительное и нужное явление это, благодаря все тому же аналитическому воззрению, сделалось источником многих бед. В этой борьбе общественных состояний выражается кризис государства во внешней форме. Во главе каждой организованной борющейся силы стоит интеллигенция, воспитанная, собственно говоря, приблизительно одинаково. И это обстоятельство служит новым доказательством тому, нами защищаемому, тезису, что переживаемый «кризис демократии» есть в основе не политический, а мирозерцательный.

Термин и понятие «класс», возникший первоначально в приложении к «рабочим» и капиталистам», впоследствии распространился и на другие слои общества. Появился «земледельческий класс», «класс торговцев», «класс интеллигентных служащих», «класс государственных служащих» и пр. В СССР, где классовая теория признана в качестве непогрешимого догмата, классово-разделительная инерция привела к сложному представлению о земледельцах, к различению в их среде «кулаков», «середняков», «бедняков». Рядом с этими тремя категориями вырастает новая: «батраки»... Соответствует ли это деление (в любой стране, не только в СССР) какой-либо общественной реальности, или это фикция — неблагое последствие аналитического мышления? Позже будет дан подробный ответ на этот вопрос; сейчас добавим, что каждый из очерченных «классов», чем больше обособлялся от целого, к которому принадлежал, тем рьянее разрабатывал свою особую «идеологию», свой особый, по необходимости малый, недостаточный, ущербленный, дробный идеал²³. Который, однако, заявлял претензию на всеобщность признания, поскольку каждый из «классов» сформировывался в политическую партию и выходил на государственную трибуну с агитацией в свою исключительную пользу. В области идей борьба «классов» выливается в борьбу идеалов — к этому важнейшему гордиеву узлу современности придется еще не раз вернуться.

В национальном отношении в эпоху анализа сказалась тенденция к национальному самоопределению, послужившему, с одной стороны, большому культурному подъему отдельных народов, так что понятие нация заслонило даже в представлении современников понятие государства (почему и главный международный орган называется Лигой Наций, хотя и объединяет государства), а с другой — повела к бесконечным тяжбам, грозящим закончиться далеко не по-добрососедски. Без сомнения, национальное самоопределение как таковое есть высокая ценность. Но эта ценность, реализуемая в условиях анализа и отрицания, значительно обесценена привходящими обстоятельствами. К их числу (как об этом писал В. С. Соловьев²⁴) относится чувство национальной обособленности, национального самодовольства и — прибавим — паразитально интенсивное желание ассимилировать другие, находящиеся поблизости народности. Было бы наивно и односторонне

23 Понятие дробного идеала К. А. Чхейдзе заимствует у Н. А. Сетницкого, который ввел его в своей книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932), где дробным и ущербным идеалам, несовершенным то по цели, то по средствам своего воплощения, противопоставлялся идеал целостно-религиозный, освещающий творческую активность человека не только в пределах социума, но — в природе и космосе.

24 См. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 279–293 (главка «О народности и народных делах России»).

искать объяснения этим явлениям в «империализме», в мотивах хозяйственной экспансии и т.п. Такие мотивы существуют, но — без связи или без прямой связи с национальной проблемой. Ни о каком империализме или экономизме не может идти речь в спорах, какие велись, например, между грузинами, армянами, абхазцами, осетинами и некоторыми другими народами на Кавказе. Так же трудно найти экономику или империализм в пограничных словако-карпатурских спорах и им подобных. Заметим, что собственно народы, трудящиеся слои населения, относятся к этим спорам совсем иначе, нежели возглавляющая их интеллигенция, воспитанная в отрицательно-аналитической атмосфере. Эти споры будут вестись, напрасно изнурая народности, поворачивая их внимание в ненадлежащую: не в должную (объединительную), а в недолжную (разъединительную) сторону, покуда не произойдет некоторый «поворот мирозерцательного винта» (выражение В.Н. Ильина)²⁵. Нити²⁶, двигающие нашими эмоциями и отдельными представлениями (подобно тому, как невидимый дирижер управляет марионетками) сходятся в далеко запрятанном пункте нашего существа — в том, который является нашим центральным и подлинным «я». Это «Я», будучи всегда равным себе, в разные эпохи окрашивается в разные цвета; и в свою очередь видит мир по-разному и — следовательно — по-разному действует в мире и формирует его. Внутреннее «Я» современников отрицательно-аналитической эпохи воспитывалось в интенциях всесторонне развитого эгоцентризма. Некоторые проекции этого изнутри идущего эгоцентризма мы уже рассмотрели. Они касались жизни вне-Я и «не-Я» (фихтевское разделение на Я и не-Я, столь распространенное в недавнее время, само служит одним из показательнейших образцов аналитической эпохи). Что касается жизни самого «Я» — мы наблюдаем внутренне согласованную популярность кантовской идеи автономной морали, штирнеровского «Единственного» с его собственностью (оправдание капиталиста), солипсизма в гносеологии и др. сходных явлений. — Интегральный эгоцентризм, сказали бы мы, если бы понятие интегральности

25 Источник цитаты, приведенной К.А. Чхеидзе, не установлен, возможно, это было устное высказывание В.Н. Ильина.

26 Фрагмент статьи, начинающийся этими словами и завершающийся фразой: «но и самой подлинной гражданской войны — с страданиями и кровью», был опущен Н.А. Сетницким при подготовке статьи для сборника «Вселенское Дело».

не исключало понятие эгоцентризма. Внутреннее «Я» с полным убеждением в своей правоте полагало, что «всякая вещь есть или А или не-А», т.е. утверждало расчлененность мира, а самое себя (эго — Я) наивно ставило в отдельности от него и в то же время в центре отдельного и отделенного от Целого маленького мира. В этом-то эгоцентризме, в этом неумении и нежелании поставить себя на место другого (выйти из «я» в «не-Я» — тогда бы и не-Я стало Я) открыт основной порок отходящей эпохи; мы назвали его атрофией способности к общим представлениям.

Но уже Огюст Конт говорил о смене эпох критических эпохами органическими. Двадцатые и тридцатые годы текущего столетия навсегда сохранят славу великого перелома — исторического перевала, который одолевает человечество. Возникают вопросы об относительной ценности прошлой или наступающей эпохи; уже слышатся споры о том — какая из них «выше», какая «ниже». В нашем сознании исторический процесс есть непрерывный Акт единого целеустремленного Начала. Он есть видимая нам

и могущая быть осмысленной часть великой драмы, суть которой в творческом самораскрытии зиждительной Первосилы Мира — обнаруживаемом, как неисчислимо разнообразии эволюционирующих форм бытия. В области гносеологии мы разделяем мнение, высказанное о Павлом Флоренским, что «разум причастен бытию, а бытие разуму. Акт познания — не только

гносеологический, но и онтологический; не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное выхождение познающего из себя, или — что то же — реальное вхождение познаваемого в познающее — реальное единение познающего и познаваемого»²⁷. Следовательно, как каждый возраст человека имеет свой смысл и несет на себе печать единого общего смысла жизни данного лица, так же и отдельные эпохи обладают своим резонансом, не всегда ясным, не отражающим единый замысел становящегося исторического процесса. Эпохи органические тем и отличаются, что живущие при них люди, несмотря на разность происхождения, состояния и профессии, объединены некоторым более или менее ясным представлением о цели и смысле как частной, так и общей жизни. Тогда как эпохи критические, отвергая общепризнанную цель, отрицают всякую цель жизни, всякий смысл

27 Цитата из книги П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (Флоренский П.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1(1). М., 1990. С. 73.

жизни, выходящий за пределы жизни отдельного индивидуума, — и этим самым расчищают место для нового, более истинного представления о цели и смысле; и, разбивая старые формы общественно-го устройства, создают возможность для установления новых — соответствующих новым идеям.

Средневековье обладало разработанным «общественным идеалом», светом которого освещались отдельные стороны социальной жизни. Поиски «нового средневековья», столь распространенные в наши дни, конечно, не могут считаться показателем возвращения жизни вспять. Реституция средневековья не нужна и невозможна. Поиски нового средневековья обнаруживают созревание воли к осмыслению общей и индивидуальной жизни; стремление к нахождению нового общественного идеала. Но пока он не найден и не принят как принцип жизнеустройства — печать смычки разных эпох, характер двойственности останется неизгладимой чертой всего стиля переживаемого периода — и мы ежедневно наблюдаем пеструю до утомления смену вкусов, мод, лозунгов, политических рецептов, верований, суеверий, популярностей и т.д. Благодаря тому, что еще не найдено большое, мы погружены в игру с мелким. Но и мы не избежим ига, накладываемого историей.

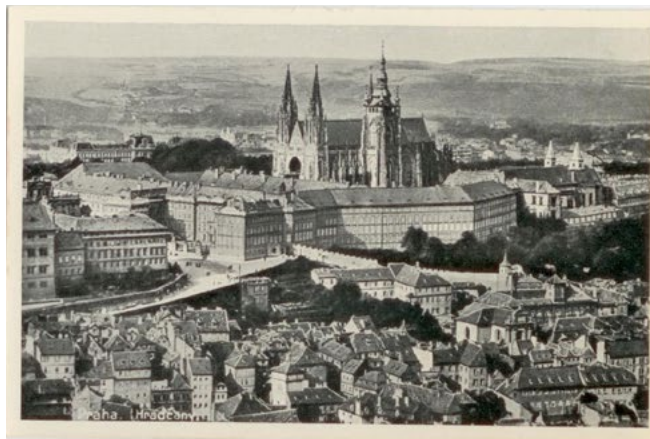
Ряд признаков, идущих по линии преодоления анализа и отрицания, показывает приближение новой синтетической эпохи. Сейчас трудно сказать, что именно и как именно и чем именно будет заменено: формы наступающего исторического периода далеки от стабилизации. Но несомненно надо желать, чтобы та мера сознательного творческого усилия, какую овладело общество в предшествующую эпоху, сохранилась в полном значении; а те условия личного развития, которые были завоеваны долгим боем за права личности, были бы не отменены, но включены в более высшую систему. В тех отдельных тенденциях и проявлениях, о которых будем говорить ниже, нет ничего противоречащего высказанным сейчас мнениям.

Развал старой семьи и битва за «права женщин» привели к проблеме создания новой семьи и определения нового общественного положения женщины. В чем основная разница между «старым» и «новым» в этой области? В том, что по общему правилу старая семья строилась иерархически, во главе ее стоял муж; а новая проявляет тенденцию построиться иерархически, на принципе трудовой равноценности и моральной равнодостоинства обеих сторон, т.е. диархически. Если вспомним, что в противоположность Европе, в России уже давно исчезло понятие отцовской власти в семье и заменилось понятием власти родительской; если согласимся, что понятие родительской власти выработано славянским сознанием, — то с чувством

удовлетворения можно указать на знаменательное совпадение: в момент возрождения славянских государств — славянский взгляд на семейную жизнь приобретает широкое признание, являясь более совершенным, чем старый, собственно европейский. Допущение женщины к участию в политической жизни, службе в общественных и государственных учреждениях (и здесь Россия и Славянство идут впереди других стран) позволяет утверждать, что постепенно восстанавливается и укрепляется утраченное еще в раннее христианство очеловечение женщины. Но очеловечивание и есть момент, сближающий помы, восстанавливающий целость.

Развившееся до абсурда классовое поделение заставляет мысль работать. В социальной среде, действительно, есть разнообразие жизненных положений, но верно ли, что это разнообразие укладывается в классы? и верно ли, что интересы их непримиримы? что классы только во взаимной борьбе обретут свои права («В борьбе обретеши ты право свое!»²⁸)? Если в выражении: «земледельческий класс» от разъединительного слова класс обратиться к объединительному земледельческий и разобраться в существе дела, которое за ним стоит, то окажется, что понятие «земледелец» объединяет и крупного владельца, и богатого крестьянина, и бедного крестьянина, и даже батрака, работающего в сельском хозяйстве. Их общие интересы значительнее и первее частных. Отсюда — по ряду мотивов они все предпочитают объединение — разъединению. Приблизительно аналогичная картина открывается в городском хозяйстве. Тяжелая и легкая индустрия, с жизнью которых связана теория и практика социализма, не только не переродились из «капиталистических» в «социалистические», но пережили совсем иные перемены. Борьба промышленного капитала с финансовым сблизил интересы работника и работодателя; конкуренция многочисленных и все увеличивающихся численно мелких предприятий — о которых классики социализма учили, что они исчезнут, но которые, благодаря легкости перенесения электрической энергии сохранились и даже размножились, — вызвала к жизни совершенно новое чувство общей заинтересованности всех участников больших предприятий, без различия положений внутри их. Обособление и дифференциация отдельных отраслей хозяйственного организма диалектически привела к сознанию взаимной необходимости и согласного функционирования всех отраслей. Вместе с тем как результат противопоставлений аналитической эпохи намечается представление о соразмерном участии целого и части в экономическом сотрудничестве и взаимном регулировании. Появление и популярность учения о государственно-частной

²⁸ Лозунг партии социалистов-революционеров (эсеров).

системе хозяйства, основанной на сочетании частной инициативы и государственного регулирования (посредством государственных предприятий, плановой системы и контроля над частными предприятиями) ставит вехи на пути к синтетическому пониманию экономики.

Положительная роль национального самоопределения не ограничивается поднятием культурного уровня и волей к всестороннему утверждению национального бытия. Только эта воля смогла коренным образом преобразовать внешние международные отношения. Раньше нации делились на цивилизованные, полугцивилизованные и дикие. Вопрос о том — к какой категории относится та или иная нация решался по произволу самочинно объявивших себя цивилизованными нациями. Могучий порыв национального самосознания разбил эту насквозь фальшивую искусственную градацию, открыв таким образом дорогу к более близкому международному знакомству, в пределе — сближению и братству. И это новое ощущение национальности легло в основу концепции наднационального государства на национальной основе, отчасти уже и осуществленной в разных государствах. В парламентарной демократии (как Франция или Чехословакия) представители отдельных народностей вошли в существующие политические партии в качестве равноправных членов или даже национальных секций этих партий. Русская коммунистическая партия с самого начала составила из национальных секций, имевших большую самостоятельность (что и повело к кризису в обратном направлении). Теоретическая мысль японской партии Да-Тун (Великое Единство)²⁹ и русского Евразийского движения так же склоняется в пользу национальных отделов единой государственной правящей организации.

²⁹ Да-Тун — «Великое единение», «Великое равенство»; одно из основных понятий конфуцианства. Понятие «Да-Тун» приобрело популярность в социально-философской мысли Китая и Японии, начиная со второй половины XIX в. В 1932–1933 гг. в буферном государстве Маньчжоу-го, созданном Японией в Маньчжурии, у власти находилась партия «Да-тун».

Таким образом, два важнейших центра общественной жизни — экономика и национальная проблема — упираются в одну точку. В зависимости от решения вопроса в этой «точке» — решается судьба хозяйства и нации. Понятно, что речь идет о государстве.

Каким должно быть государство? Что такое оно? Чем должно заниматься? — вот ряд мучительных сомнений и предметов не только яростных дискуссий словом и пером, но и самой подлинной гражданской войны — с страданиями и кровью.

Аналитический склад мышления разделил общество на «классы», расслоил его, а проекция эгоцентризма оформила это расслоение, придав ему организационные формы партий, при этом снабженных малыми — ущербленными — дробными идеалами. Но то, что эти идеалы ущербленные и дробные, знают не те, кто их выращивал и стремился реализовать в жизни, т.е. не люди анализа и отрицания, но те, кто подвергался (и подвергается) воздействию дробных идеалов, т.е. массы населения, весь человеческий массив политического целого. Каждая партия, вопреки своей «классовой природе», обращается ко всему населению с призывом поддержать ее, выбрать ее, довериться ей и — следовательно — признать ее общественный идеал за единственный и всеобщий. Ни одна из партий не прокламирует свою дробность, хотя для нужд агитации и варьирует воззвания применительно к каждой социальной среде. Однако жизнь и современное сознание отвергают систематические покушения «с негодными средствами» и требуют не дробного, а целостного идеала. Постепенно все начинают видеть вредность дробления, будь то социально-политического, будь то идейного. Инстинкт народного самосохранения дает бурный рефлекс, направленный на отрицание отрицания и обнаруживающий волю к утверждению положительных начал государственного строительства, укрепленного сознанием единства целого. С другой стороны, ширится опасное отношение отдельных групп населения к представителям государства и к форме государственной жизни как таковой. Неудовлетворение народных чаяний, исканий,

неясных стремлений (истинная задача политика всегда состояла в том, чтобы оформить неясные стремления народа и реализовать их в соответствии с потребностями времени и представлениями о должном) — сеет недоброжелательное отношение к представителям государства, создает почву для произрастания сомнений в нужности государства как формы общежития, как общего дела. Обманутые в своих ожиданиях люди (иногда чрезвычайно чуткие, искренние люди — революционерам нельзя отказать ни в темпераментности, ни в известной высоте намерений!) приходят к выводу, что государственные деятели — «паразиты» и «дармоеды», а само государство — насилие, ничем не оправдываемое и бессмысленное.

Под давлением этих двух прессов начинается сотрясение государства, вскрываются элементы его перерождения, обнаруживаются силы, реализующиеся в форме фашизма, гитлеризма, коммунизма. С точки зрения многопартийной, парламентарной, демократической системы — коммунизм, фашизм, национал-социализм и подобные течения есть противозаконное стремление какой-то одной партии стать «партией партий» и таким образом отменить все другие партии и заменить их одною собою. С точки зрения идейной — это есть попытка ликвидации drobных идеалов и воля заменить их каким-то одним — высшим — всеобщим идеалом.

Помимо открытой формы создания «партии партий» известны также и скрытые формы, когда заключаются негласные или гласные сговоры отдельных партий (эта задача облегчается тем, что все участники сговора — интеллигентные профессионалы от политики и воспитаны в одном духе); или же устанавливается скрытая форма диктатуры одного или нескольких политических деятелей — в обоих случаях цель и метод аналогичны: отталкиваются от конкуренции и борьбы «drobных идеалов» и стремятся к признанию какого-то одного, хотя и в неясном виде. Вопрос о том, какова дальнейшая судьба такого рода метаморфозы, весьма гадательный, и мы оставим политическую астрологию вне рассмотрения.

...Преодоление анализа и отрицательной свободы, попытка ликвидации социального разделения и drobных идеалов, воля к концентрации государственных сил и исканию единого общественного идеала — таковы главные линии, по которым направляется современная жизнь в поисках выхода из кризиса. В трактате «О государственном строе и форме правления» князь Н. С. Трубецкой пришел к выводу, что кризис демократии преодолевается и преодолевается на путях создания идеократии (Евразийская хроника, VIII, 1928)³⁰.

30 К. А. Чхеидзе отсылает к статье Н. С. Трубецкого «О государственном строе и форме правления» (Евразийская хроника. 1928. № 8. С. 3–8).

Являются ли итальянский фашизм, немецкий национал-социализм и русский коммунизм теми идеократиями, которые замиряют человечество и поставят его на служение высшей идее? — Кн. Трубецкой отвечает на этот вопрос отрицательно. Нынешние идеократии есть лже-идеократии.

Итальянский фашизм и немецкий гитлеризм несут на себе печать расового начала, они пропитаны биологизмом (переходящим у крайних гакенкрейцеров в зоологизм). В этом смысле их тенденция к итальянизации и германизации всего населения не может иметь характера общезначимой максимы. Напротив, с точки зрения всемирно-исторической она имеет все признаки провинциализма. Недаром Б. Муссолини как-то сказал, что «итальянский фашизм отнюдь не является предметом экспорта». Но и со стороны идейной ни фашизм, ни гитлеризм не могут быть признаны истинной идеократией. Оба эти учения отступили от решения общих проблем, от творчества общих представлений, в которых нуждается современность, и, сами не справившись с этой задачей, передоверили ее разрешение католической церкви (в Италии — договором в феврале 1930 года³¹, в Германии — июльским договором 1933 года³²; попытка создания новой общегерманской церкви, предшествовавшая переговорам с Ватиканом, обнаружила никчемность и худосочность религиозной мысли гитлеризма). Можно спорить или соглашаться с тем положением, что сосредоточение фашистской Италии и гитлеровской Германии на внутренних задачах приносит этим странам благо. Бесспорным кажется констатирование, что, преодолевая (и то сомнительно в смысле долговечности) частные «эгоцентризмы» классов и партий внутри себя, фашизм и гитлеризм сами являются грандиозными «эгоцентризмами» во внешних отношениях: они не только не разрешили основную катастрофическую дисгармонию современности (между научно-техническим прогрессом и духовно-моральным уровнем), но еще усилили ее. Если дать волю обоим этим течениям, они взорвут себя и окружающих в максимально короткий срок. Сознание этой возможности тревожит искренних людей, заставляет иных из них искать спасения

31 Имеется в виду подписание так называемых Латеранских соглашений между Королевством Италии и Ватиканом. Соглашения закрепляли за Ватиканом статус суверенного государства, расширяли права церкви в Италии. Соглашения были подписаны 11 февраля 1929 г. (а не 1930 г., как указано у Чхеидзе) кардиналом Пьером Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини, обеспечившим себе в результате этого соглашения необходимую поддержку главы католической церкви.

32 Конкордат между Ватиканом и Третьим рейхом был заключен 20 июля 1933 г. Заключая конкордат, Гитлер успокаивал католическое население Германии и одновременно получал поддержку Ватикана. Что касается надежд римского престола на свое влияние в Германии, то они не сбылись: напротив, в результате конкордата церковь вскоре стала беззащитной перед лицом нацистского государства.

в отживающей парламентарно-многопартийной форме, — и тогда весь процесс искания начинается с «азов» и человеческая мысль мечется и бьется в поисках выхода.

Быть может, третья из попыток создания идеократии — коммунизм — ближе подошел к истинной идеократии? — Периодическая популярность коммунизма по обе стороны океана и многолетнее его властвование в России принуждают поставить эту проблему на обсуждение. Но тут исследователь наталкивается на ряд непреодолимых препятствий. Прежде всего нет возможности определить с теоретической стороны: что такое русский коммунизм? На протяжении лет мы видим непрерывную смену в самой гуще коммунистической среды. Объективное изучение находит ряд непримиримых противоречий в тех официально провозглашенных «догматах», которые известны под именем марксизма, диалектического материализма, ленинизма, сталинизма. Жестокая борьба «механистов» и «диалектиков» внутри партии, демонстрирующая неустойчивость и неразработанность теоретической мысли русского коммунизма, в то же время указывает на интересный процесс приспособления теории к постоянно меняющейся жизненной обстановке. Поэтому, вне всякого сомнения, нынешний сталинизм — не есть последнее слово русской революции. Будут сказаны еще иные слова и произойдут иные дела. Важно наметить общий характер советской жизни, ориентируясь на идеократию. Там, как нигде, может быть, с полной обнаженностью сталкиваются элементы отрицательно-аналитического мышления (ведь коммунизм есть сгусток этого мышления, в чем и состоит его взрывчатая сила) старой эпохи с элементами нарождающейся синтетической. Классовое разделение, приведшее к такой детализации и такому дроблению, которые в корне подрывает всякую общественную жизнь (крестьянин, обладатель лошади противопоставляется безлошадному), вызвало к жизни чрезвычайно широкое и объединяющее понятие трудящегося. Форма труда разделяет, но труд, как процесс, как солидарно-всечеловеческое одоление природы — объединяет. Насильственное возвышение дробного, классового идеала городского пролетариата (ранние коммунисты не скрывали, что они представители рабочего класса) над всеми остальными; противоестественный — в условиях пролетарской диктатуры — опять-таки насильственный союз с крестьянством — повели за собой несколько технических и организационных революций в сельском хозяйстве, производимых сверху актами власти. Яростная и ни с чем не сравнимая по обилию кровавых жертв война между городом и деревней, которая является главной темой советской драмы — предопределила создание

новых надклассовых общенародных идеологий, которым, по-видимому, суждено наследовать коммунизму. Свирепое подавление личного начала, с которого начал коммунизм; его бешеное отрицание личности как хозяйственного деятеля, как героического начала истории, как самоценности и в известном смысле самоцели — обернулось в СССР неслыханным рабствованием масс перед отдельной личностью, хотя это и находится в противоречии с общим мнением о том, что «халифы обычно бывают лишь на час». Надо вдуматься в сочетание: культа героев и насаждения коллективизма, чтобы понять глубочайшие противоречия, раздирающие Советскую Россию. Это страна, в которой с небывалой силой и остротой борются два мира: мир анализа, отрицания, разделения с миром единения и утверждения. Поэтому, невзирая на отчаянную действительность, Россия полна энергии и надежд — и вовсе не случайно то, что именно в русской мыслящей среде раздалось первое слово об идеократии.

Итак, коммунизм, фашизм и гитлеризм хотя и несут в себе отдельные зародыши, из которых могла бы развиваться синтетическая форма будущего государственного устройства — идеократия, — но они суть псевдоидеократии. Начальные шаги в направлении к выходу из кризиса оказываются ложными. Может ли это прекратить дальнейшее искание? — Ведь среди разногласия современности не редкость услышать призыв к полному отказу от науки, культуры, от цивилизации, от техники... возвращению к естественному состоянию. Помимо Толстого большого есть множество маленьких Толстых — и им необходимо вспомнить ту простую истину «фактического порядка», что вылупившийся из яйца птенец (будь то голубь или ястреб) не может быть водворен обратно в разбитую скорлупу. Тот, кто добровольно и сознательно не следует путям судьбы, оказывается (согласно старой латинской поговорке) тащимым судьбой³³. Если современные государственные идеалы в лице их носителей из среды «передовых» или «отсталых» партий не в состоянии справиться с задачами, выросшими перед современностью, не в силах указать людям нечто столь высокое и вдохновляющее, что объединило бы их и повело к дальнейшему развитию, не способны овладеть стихиями природы, ворвавшимися в жизнь посредством открытий в области техники, то значит ли это, что вообще в области идей нет ничего соравного требованиям современности?

Такое предположение преждевременное и ошибочное. Обратимся к жизни — этому мудрому

³³ «Желающего судьба ведет, сопротивляющегося же тащит» («*Discunt volentem fata, nolentem trahunt*»). См. у Сенеки: «Покорных рок ведет, влечет сопротивного» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986. С. 229).

источнику всяких вопрошаний и кладезю мудрости. И тогда, быть может, увидим, что, действительно, «разум причастен бытию, а бытие разуму». И что онтология неразрывно связана с гносеологией.

Мы живем в эпоху «мировой революции». Это не фраза — это самое сильное бродило современной жизни. В отношении изучаемого вопроса мировая революция сказывается в том, что рамки нынешнего государства (в основном скопированного с довоенного) не удовлетворяют требованиям усложнившейся социальной проблематики, слишком узки для целесообразного ее разрешения. Зачатки инстинктивного объединения (трагически задавленные, но не окончательно уничтоженные катастрофой 14-го года) уже в старое время перешагивали через границы государств. Послевоенные события привели к тенденции объединения материкового масштаба. По ряду экономических, политических и психических признаков можно изобразить контуры по крайней мере «четырех государств-материков»: Пан-Европа, Пан-Америка, Пан-Росси́ка (иначе — Евразия, иначе — Советский Союз) и Пан-Азия во главе с Японией³⁴. Явление материкового патриотизма (американского, европейского, «советского», азиатского) стало повседневным событием. Но имеется целая система живых нитей, образующая ткань всемирного объединения, хотя нельзя отрицать ажурность этой ткани, легкую возможность ее разрыва. Тем не менее всемирные политические, экономические, научные и пр. конгрессы, учреждение Лиги Наций, религиозные общины, художественные выставки, театр, спортивные состязания, а в особенности доступные массам транспорт, пресса, кинематограф, радио — все это обладает колоссальной силой воздействия, и, собственно говоря, мы не в состоянии учесть всю значительность последовательного и непрерывного (ежедневного в радио, частого в кино) воспитательного воздействия этих факторов. Можно, без опасения ошибиться, констатировать факт нарастания общности психических переживаний во всем мире. Из чего следует заключение, что техника (в частности, техника искусства) — далеко опередила философскую мысль. Но на эту кричащую дисгармонию уже многократно обращалось внимание. В момент, когда практика жизни подводит человечество во всех концах земли к проблеме единства и накануне осознания возможности и необходимости осмысления общих целей и общего дела всего людского рода, не видно духовных течений, которые были бы на высоте ставимых самой жизнью вопросов.

³⁴ Мысль о «новой, высшей интеграции» — об объединении наций в «государства-материки», создании в будущем «пан-европейского союза», а также интеграции пан-азиатского и пан-исламистского мира высказана К. А. Чхеидзе в статье «Лига Наций и государства-материки» (*Евразийская хроника*. Вып. 8. Париж, 1927. С. 32–35; републ.: Чхеидзе К. А. *Путник с Востока: Проза, Литературно-критические статьи, публицистика, письма*. М.: Русский путь, 2011. С. 320–325).

Та самая наука, которая развилась на почве анализа, отрицания и индукции, которая разбила целостный идеал Средневековья, создала технику, а через нее трагический кризис — эта же наука (вместе с поэзией и философией) должна указать: что делать? — Спросим: куда растет научно-техническая мысль? Чего она хочет достигнуть? — Нельзя ли попытаться кратко сформулировать, что руководящей целью научно-технического прогресса является овладение космическими энергиями и, следовательно, овладение Космосом? Кропотливое исследование элементов веществ, из которых состоит мир, перерождается в грандиозный замысел овладения силами мира. Спектральный анализ, использование энергии морских волн, солнечных лучей, полеты в стратосферу, опыты радиопередачи в междупланетные пространства, искусственное дождевание, проекты оводнения Сахары и среднеазиатских пустынь — все это ввело и вводит нас в тесное общение с силами и жизнью Космоса. Недавний ограниченный земными рамками рационализм преодолевается, и земля, наша «низменная» земля, осознается небесным телом. Она — принадлежит небу и неотделима от начинаемой нами постигаться Большой Жизни Вселенной. Через это восстанавливается родство человека с природой, но не для того, чтобы человека низвести к природе, а для того, чтобы природу поднять до человека. Знаменитой «дарвиновской обезьяне» противопоставляется «библейский прах», из которого был сотворен человек, — с материалистической точки зрения, в последней фазе своего развития, совпавшей со спиритуалистической, прах, т.е. совокупность атомов, पहले и человека, и обезьяны. Материализм, монизм и эволюционизм привели к представлению о «самоодухотворяющейся материи», но это представление равносильно религиозному представлению о «материализующемся духе». Из недр генетической «научной» постановки проблем непосредственно рождается «ненаучная» телеологическая, целеустремительная, религиозная проблема — назначения человека и мира. Чувство родства с Космосом вызывает уверенность, что воля, ум и вдохновение человека способны организовать и преобразить Космос. Самое слово «космический» (одного корня с «косметический») говорит об украшении, красоте. Обретая в себе желание единства и красоты, человек не находит ничего невероятного или невозможного в мысли о том, что этот мир может и должен быть прекрасным, совершенным. Осознание себя двигателем Космоса, его душой и волей, брезжащее в технических деяниях человека, уже давно имеет отзвук в поэзии (Уитмена, Верхарна, Брюсова) и, отчасти, философии. Отчасти, так как та философская система, которую мы имеем в виду, была

до сих пор под спудом и только теперь, когда совместное действие научно-технического прогресса и всеобщего кризиса поставило человечество лицом к лицу с проблемой жизненного устройства на новых началах — эта философия начинает привлекать внимание³⁵.

Итак, мы приходим к тому выводу, что частные и временные проблемы современности тесно связаны с общими и вечными, и это указывает на существенно религиозный характер современных исканий. Проблема идеократии упирается в проблему совершенной идеократии — но это составляет специальную тему исследования.

Август, 1933

ПЕРЕПИСКА К.А. ЧХЕИДЗЕ с Н. В. УСТРЯЛОВЫМ (1931–1935)

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
8 марта 1931. Харбин³⁶

8/III-31

Многоуважаемый Николай Васильевич!

<...> Что такое ЕА?³⁷ — что такое федоровство? что такое «устряловщина»? что такое национал-максимализм? что такое ленинизм? Что такое сталинское толкование ленинизма? Почему старейшие марксисты, как Деборин, Карев, Рязанов и мн<огие> др<угие> признаются «идеалистами», «меньшевиками» и пр.? почему школа Переверзева, еще вчера считавшаяся цитаделью стопроцентного коммунизма-марксизма — сейчас признана еретической?.. И так далее, и так далее. Вы, наверное, не хуже, а лучше меня осведомлены во всех этих вопросах, вернее — явлениях, симптомах. Для меня, для евразийцев, да и для каждого, мне кажется, объективного наблюдателя, дело идет о том, чтобы российская стихия переработала марксизм и дала некоторый свой продукт. Не ясно ли, что истинный марксизм не у Сталина, а скорее у Троцкого; не у Клина Вор<ошило>ва, а уж скорее у Рязанова и Деборина; не у Адоратского, но у тех

35 При подготовке статьи к публикации в сборнике «Вселенское Дело» Сетницкий отредактировал данный абзац, раскрыв намек К. А. Чхеидзе на философию Н. Ф. Федорова. Во «Вселенском Деле» он звучит так: «...уже давно имеет отзвук в поэзии (Уитмена, Верхарна, Брюсова). В меньшей степени оно имело место в философии, если не считать одного исключения. Говоря так, мы имеем в виду "Философию Общего Дела". Эта выработанная в конце прошлого века в России философская система была до сих пор под спудом и только теперь, когда совместное действие научно-технического прогресса и всеобщего кризиса поставило человечество лицом к лицу с проблемой жизненного устройства на новых началах, — она и ее автор, Н. Ф. Федоров, начинают привлекать внимание» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 60).

36 Ответ на письмо Н. В. Устрялова от февраля 1931 г., в котором содержалась критика евразийского «активизма» и упреки в том, что его участники плохо представляют себе «современную "пореволюционную" русскую политику» (ФР. I.3.37).

37 Здесь и далее: «ЕА», «еа» — евразийство, евразийский.

историков-марксистов или просто марксистов, которых Адоратский призван заменить? — Чтобы покончить с этим вопросом, т.е. вопросом о перерождении марксизма-коммунизма, перерождении, обусловленном евразийским месторазвитием, я предложу формулу, изобретенную не мною, а одним из участников съезда марксистов-историков, которая, надеюсь, не будет Вами оспариваться: эта формула гласит: «учение марксизма оказалось недостаточным и в ряде вопросов нуждающимся в перетолковании. В силу этой недостаточности, в СССР появляются новые идеологические струи, которые можно объединить общим наименованием русской философии». Итак, в области идеологической, несомненно, имеется нужда в «новом вине». Эта нужда удовлетворяется в СССР теми, кто от марксизма перешел к ленинизму, от ленинизма — к комментированию Ленина и т.д. Одновременно, и в СССР, и на его окраинах, т.е. Западной и Восточной эмиграции, происходят встречные процессы искания грядущей синтетической идеологии. Для федоровцев, для национал-большевиков, как и для евразийцев, не может быть сомнения, что к старому возврата нет. <...>

<...> Перейду к той части своих высказываний, которые относятся к следующим Вашим словам: «Какая сейчас может быть активность для элементов, не входящих в правящий советский слой, кроме активности деловой работы (спецы) и, в известных пределах, активности слова?» И далее: «за границей же нам остается пополнять свое образование и — кто может — работать по русской культуре, усиленно раскрывая Россию миру и в публицистике констатирований осмысливая эпоху»³⁸... Боже мой!!! но ведь и того, что Вы сказали — колоссально много. Русская идея — колоссальная, вселенская идея; и работников у нее не много, но мало. Увы. Поэтому и то, о чем Вы говорите, могло бы удовлетворить наиболее требовательную душу современника. В самом деле: русский культурный человек, где бы он ни находился, при условии прислоненности его к родным стихиям, остается русской ценностью. Поэтому я приветствую Сикорского³⁹ или те остатки Художественного Театра, которые разъезжают по Европам и Америкам и потрясают воображение и дух иностранцев и в своем роде взрыхляют почву для приятия семян российско-евразийского духовного империализма (да и духовного ли только?)... Поэтому евразийская работа, вся построенная на раскрытии и разработке проблемы русского самопознания, может считаться оправданной уже с одной этой точки зрения.

38 Цитаты из письма Н. В. Устрялова.

39 Игорь Иванович Сикорский (1889–1972) — русский авиаконструктор. В 1919 г. эмигрировал в США, создал компанию Сикорский аэроинженеринг, вошедшую в 1928 г. в состав корпорации Юнайтед Эйркрафт. Компания дала работу многим русским эмигрантам.

Но эта точка зрения не единственная и не исчерпывающая. Вот Вы говорите об активности слова. Активность слова. Вспоминается и ап. Павел, и Герцен; и Устрялов, если угодно, вспоминается (имею в виду стр. 181, 187 и др. «Под знаком»⁴⁰). Я не хочу сказать, что раскрывать Россию — России не только так же важно, как раскрывать Россию миру — но еще важнее. Подобно примечаниям, приведенным на указанных мною страницах и свидетельствующих, что Ваше раскрытие России — России имело актуальное значение, подобно этому и я мог бы привести не одно, не два... доказательства необходимости и действенности евразийского элемента в системе нынешних русских отношений (напр., влияние ЕА на новое экономическое районирование СССР, влияние на новое картографическое изображение, влияние на восточную проблему, влияние в литературе и т.д. Ведь Вы, наверно, многое хорошо знаете. Я пишу первое, что приходит в голову. Никто из нас еще не задавался целью итожить влияние ЕА на СССР)...

<...> Вопрос о выветривании марксизма-коммунизма и даже ленинизма НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ. Это ясно каждому, в том числе и Иосифу Сталину, и его присным, и всем, кто имеет глаза, чтобы видеть. Важнее другой вопрос: куда идет процесс: в какую сторону дует идеологический ветер? на каких путях вырабатывается «новое пореволюционное сознание», которому, как мне и моим друзьям кажется, суждено вдохнуть новую энергию в революционный процесс?!! Ведь дело идет не о снижении пафоса социального делания (во всех областях), но о новом подъеме. Коммунизм на ущербе. Реакция «готова послужить». Выход — в третьем максимализме, максимализме идеологическом и духовном; выход в новой «религии революции» (ведь Маяковский приказал долго жить, это символ). В такой религии, которая бы увязала вселенское с национальным. И увязала бы не в порядке бюрократическом, как у нынешнего аппарата, а в порядке нового «неистового вдохно-

вения истории», с тою, всеконечно, разницей, что о потрясении основ советского строя речь не идет. Речь идет об осознании нового этапа русской революции; о нахождении нового во имя; о выходе на авансцену новой мысли, которая синтезирует задание с осуществлением и осуществленное с подлежащим осуществлению. Ни коммунизм, ни тем более «реакция» на такой синтез неспособны. Но к такому синтезу дело идет, такой синтез необходим, неизбежен. И надо думать, что пути к нему уже намечены. В чем и где? — повторяю сказанное: в Устрялове, в Федорове, в Евразийстве. Я не хочу даже в частном письме указывать элементы этого синтеза в писаниях целого ряда пролетарских идеологов, пролетарских литераторов и пролетарских публицистов. Думаю, Вы скорее могли бы прочесть мне лекцию на эту тему, чем кто-либо другой подсказывать Вам материалы к лекции.

Я смею думать, что если бы во имя этого нового «во имя» я замыслил бы вооруженный переворот в Кремле, то исторически моя «активность» была бы оправдана. Но... о таком перевороте Вы нигде прочесть не могли (в ЕА изданиях). Все-таки, среди евразийцев есть и «философы», понимающие, что существует процесс «созревания»; что бить яйцо надо лишь в том случае, в каком призывается на помощь «кесарево сечение».

Снова сформулирую свое отношение к «активности». И в своих письмах, и в статьях, и в устных выступлениях и разговорах — я всегда стою на той точке зрения, что разрушать нельзя, а надо создавать; что лучшая критика интегрального коммунизма это та, которая создает нечто лучшее коммунизма; лучшее и более отвечающее современной России. Значит, активность, по этому руслу идущая, мною приветствуется. Сверх того, я за психологическую активность. За то, чтобы мы постоянно помнили, что успокаиваться на сегодня нельзя. И что будущее не за коммунизмом, а за чем-то другим. Я думаю — за евразийством или чем-то на ЕА похожим. Отсюда вывод — стремление к реализации ЕА. Знаю, что в настоящий момент наибольшее значение имеет слово. Так да здравствует слово. <...>

⁴⁰ К. А. Чхидзе отсылает ко второму изданию книги Н. В. Устрялова «Под знаком революции» (Харбин, 1927).

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
14 февраля 1932
Харбин 14/II 32.

Многоуважаемый
Константин Александрович.

<...> Мы тут пережили достаточно красочные события⁴¹. Будь у Вас какой-либо печатный «орган», я с удовольствием взялся бы для него за роль «собственного корреспондента из Харбина» — Харбин по справедливости заслуживает ныне собственного корреспондента!

Узел завязывается замысловатый. После оживленных боев мы перешли под опеку японцев. Необходимо подчеркнуть, что вопреки обыкновению китайские войска яростно обороняли подступы к городу. Это был, разумеется, заведомо безнадежный бой: необученная, оборванная, голодная и, в сущности, безнадежная солдатская масса «сражалась» с современной армией! Это было бойней, а не боем. И все же китайцы дрались и гибли, — бессильно и жалко...

При отступлении они не разложились, как можно было ожидать по опыту 29 года⁴², никого не грабили и ушли в порядке на север, где, должно быть, рассеются, частично превратясь в партизан.

Все же военная победа японцев — полная. Однако центр тяжести вопроса — не в ней, а в том, что же будет дальше.

Япония хочет освоить Манчжурию, нынешний токийский кабинет откровенно и последовательно империалистичен. Нельзя отрицать, что экономика действительно толкает страну на этот путь. Тут не каприз и не авантюра, а насущная необходимость. Однако Китаю от этого не легче, и он достаточно единодушен в своей ненависти к наследственному своему врагу. Конфликт — подлинно драматичен.

Освоить Манчжурию! Пространство, равное двум Франциям, с тридцатью миллионами китайского населения и с 400 миллионной «ирригентой»! Дело не простое — и особенно в наше время. Случай — посложнее корейского.

Японская акция несомненно стимулирует и активизирует национально-революционный процесс в Китае. Нельзя забыть, что около 60 миллионов китайского населения живут под кит<айской> Советскою властью, заявляющей, что «только Советский Китай может отбиться

от империалистов». Но и Гоминдан, в свою очередь, держится твердо.

Я убежден, что согласись Нанкин на непосредственные переговоры с Японией, Токио охотно отказалось бы от хлопотливой затеи «манчжуро-монгольского государства» и удовлетворилось бы реальным применением «21 пункта» в Манчжурии. Но китайцы проявляют непреклонность.

Наши здешние белые в их обывательской массе радостно ждали прихода японцев и были уверены, что он повлечет за собою немедленную ликвидацию Советского влияния на КВЖД. «Младороссы» (или называющие себя таковыми) встречали японские отряды криками «Банзай»⁴³ и помахиваниями трехцветного русского флага, от коего все мы, признаться, давно успели отучить глаза. Японских генералов осаждают ежедневно гурьба белых челобитчиков. Желание подсказывает мысль, и кое-кому уже мерещатся министерские портфели буферного Приморья.

Однако японские представители уже успели окатить холодной водой эти не в меру разгоряченные головы. Начальник оккупационного отряда сделал демонстративно дружественный жест по адресу местного советского населения и категорически заявил, что японское командование имеет определенную директиву не затрагивать советских интересов. И в самом деле: не так легко и просто обстоит дело с освоением Манчжурии и замирением Китая, чтобы взваливать себе на шею добавочную ссору с СССР! И из-за прекрасных глаз харбинской эмиграции едва ли токийские политики пожертвуют жизнью хотя бы одного японского солдата. На данном, по крайней мере, этапе, шансы антисоветской акции японцев невелики. Но среди яп<онских> военных есть сторонники антибольшевистского активизма — этого отрицать нельзя.

Живо следим за шанхайскими событиями. Если бы мировая история угостила нас американо-японской войной, — поистине, это было бы сверхмерной любезностью с ее стороны (при условии, конечно, что мы не оказались бы в нее втянутыми). Но трудно ожидать, что этот подарок на нас свалится: США сейчас слишком увязли в Ю<жной> Америке, да и Япония еще не потеряла равновесия до такой степени, чтобы рискнуть столь многим сразу. Поживем — увидим. <...>

Всего лучшего. Буду рад, если напишите. Ваш У.

41 В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Манчжурии. 6 февраля 1932 г. японские войска вступили в Харбин, и 1 марта того же года было создано марионеточное, «буферное» государство Маньчжоу-Го, фактически находившееся в полной зависимости от Японии.

42 Имеется в виду поведение китайских солдат после поражения в столкновениях с Красной армией во время советско-китайского конфликта на КВЖД, имевшего место в 1929 г.

43 Японский приветственный возглас, аналогичный возгласению «Многая лета!»

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
2 марта 1932

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Васильевич!

<...> Ваш беглый обзор событий на Д<альнем> Востоке настолько интересен и литературно закончен, что я решил, не ожидая Вашего разрешения перепечатать его машинопись и попробовать поместить через местное отделение «Центральной Еропейской Прессы» или через Ф. Ф. Кубка⁴⁴ в «Прагер Прессе». Внес незначительнейшие изменения, самого малого веса. В случае, если эти предприятия возьмут у меня «сообщение собственного корреспондента», я подниму вопрос о Вашем постоянном писании корреспонденций с Д<альне-го> Востока. Без сомнения, такая работа будет оплачиваться, так что прошу Вас сообщить: во-первых, желаете ли Вы работать в названных органах? Если да — под каким псевдонимом? — Хотите ли Вы, чтобы я устроил Ваше непосредственное сообщение с администрацией этих органов или Вы предпочитаете сноситься через меня? <...>

В пятницу, 4-го III, П. Н. Сав<иц>кий читает «Смысл Д<альне>восточных событий»⁴⁵. Это сейчас самая модная тема. Происходит явное поделение на пораженцев и оптимистов. То есть в том смысле оптимистов, что Россия должна и может (по-толстовски) сказать: «Мне самой одной нужно жить» — «Мне самой одной нужно работать»). Толстой как-то сказал, когда ему помешали: «Мне самому одному нужно жить»... и пр.

Как интересно было бы получить листовку д<альне>-восточных младороссов. Их неплохо держать в струне. Они тут играют в революцию и в социальных переворотчиков. (Это — внешне; а «про дома» состязаются в титулах, родословных и пр. Можно предвидеть, что расслоение у них

и пойдет как раз по линии принадлежности к «глубо-» и «красно»кровным. Сейчас это незаметно.)

Шлю Вам много приветов. Надеюсь, получить ответ на прошлое письмо. Это считаю не письмом, а справкой или записочкой, посланной за 12000 километров...

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
13 марта 1932
13/III 32.

Дорогой Константин Александрович.

Сегодня получил очередной (19) номер «Евразийца», и под непосредственным впечатлением его статей спешу поделиться с Вам горячей своей радостью: наконец-то евразийская мысль обретает надлежащий тон и в политической сфере!

Номер очень интересен. Чувствуется живая, предметная мысль, и, главное, действительное, реальное освобождение от предрассудков эмигрантской среды. <...>

Н. Н. Алексееву удалось найти прекрасную формулировку понятия евразийского активизма⁴⁶. Быть может, по содержанию политической идеологии мы кое в чем и разойдемся, — но в рамках поставленной им в данной статье проблемы, я готов присоединиться к нему целиком. И отрадно, что это не личное даже его выступление, а официально евразийское. Эта

статья заслуживает широкого распространения за пределами ее организации. Я считаю, что ею в значительной мере снимаются наши с Вами мимолетные разногласия по вопросу об «активизме». <...>

С большим удовлетворением прочел в журнале последнюю статью — «Дальневосточная проблема»⁴⁷. Прекрасная, глубоко схватывающая суть

ЕСЛИ БЫ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ УГОСТИЛА НАС АМЕРИКАНО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ – ПО ИСТИНЕ, ЭТО БЫЛО БЫ СВЕРХМЕРНОЙ ЛЮБЕЗНОСТЬЮ С ЕЕ СТОРОНЫ

44 Франтишек Кубка (1894–1969) – чешский писатель, драматург, журналист.

45 В журнале «Евразиец» (№ 19) была дана следующая заметка по итогам доклада «Прага, 4/III, доклад П. Н. С. «Смысл Дальневосточных событий», собравший полную аудиторию «Меицанской Беседы» (150–170 человек). П. Н. С. при напряженном внимании слушателей развернул геополитическую, экономическую, историческую и военную обстановку Дальневосточного театра. В заключение подчеркнул ВОЗМОЖНОСТЬ И ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ мирного разрешения русско-японских конфликтов; в случае же если мирное разрешение окажется невозможным, участие русских на стороне японцев при вооруженном разрешении спора – есть измена отечеству. В весьма содержательных прениях приняли участие: Н. В. Быстров, проф. Изюмов, ген. Сидорин, г. Веригин (русский, китайский подданный) и К. А. Чхеидзе» (Евразиец, № 19. Февраль, 1932. С. 32).

46 Имеется в виду статья философа правоведа Николая Николаевича Алексеева (1879–1964) «Активизм эмигрантский и активизм евразийский», в которой была выражена позиция евразийцев по отношению к эмигрантскому активизму, направленному против СССР, и дана та формула активности, которую избирают для себя евразийцы: «Тактика заговорщических кружков нам совершенно чужда и от нас далека. Мы – носители идеи, а не устроители «дворцовых переворотов»» (там же. С. 3–5).

47 Статья «Дальневосточная проблема» (Евразиец, № 19. С. 27–29), подписанная криптонимом «А», отталкиваясь от китайско-японского конфликта, представляла собой попытку сформулировать евразийскую точку зрения на задачи России-Евразии на Дальнем Востоке. Империализму Японии, капиталистическому ее вектору евразийцы противопоставляют не материальный захват, а влияние культуры и духа. Не навязывая Азии свои взгляды, они «не могут не сочувствовать тому, чтобы основные культурные и социальные проблемы решались на Дальнем Востоке не в односторонне европейском, но в евразийском духе» (там же. С. 29).

вопроса и вместе с тем политически тактичная статья! Опять-таки хотелось бы видеть ее распространённой за пределы внутрипартийной вашей сферы. И тут — готов целиком присоединиться к вашей позиции!

Это тем более отрадно, что на днях Всев<олод> Иванов — одна из наиболее мутных фигур здешней белогвардейщины — позволил себе в японской газете «Харб<инское> Время» приветствовать новое манч<журо>-монг<ольское> государство от имени евразийского движения и заявить, что отныне Россия больше не нужна и не заменит «Манджу-го» (т.е. это ма-мо государство, фабрикуемое сейчас японским генеральным штабом)!⁴⁸

Из информации журнала вижу, что этот господин, перекочевавший ныне из китайского услужения в Японское (простите мазню!)⁴⁹, пытался ввести Ваш ЦК в дешевый соблазн — снабдить евразийской печатью планы японской контр-разведки. Отповедь, Вами ему преподанная, свидетельствует о правильном чутье руководящего ея органа. Хорошо бы дезавуировать этого человека публично, — а то он еще не раз попытается скомпрометировать на Дальнем Востоке евразийское имя, благо оно мало известно широким кругам дальневосточного населения. <...>

Всего лучшего, крепко жму руку. Ваш У.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
27 марта 1932. Прага

<...> Как Вы уже знаете, я сговорился с директором местного отделения Центральной Европейской Прессы относительно сотрудничества доктора Лоу⁵⁰, в качестве собств<енного> корреспондента с Д<альнего> Востока (3–4 корреспонденции в месяц, размер — три четыре страницы такого формата — от руки — как обычно пишете мне, гонорар — сто чеш<ских> крон за статью. Темы — по усмотрению, но лучше о политике, гео-

⁴⁸ В статье «Дальневосточная проблема» позиция активного сторонника «азиатства», философа и писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), согласно которой Манчжурия под протекторатом Японии может стать «первым евразийским государством», для чего нужно активно проводить в правящие круги Японии идеи евразийства, была подвергнута критике. Автор приводил постановление «организованного евразийства» по отношению к этому заявлению: «Евразийство всячески сочувствует мирному разграничению русских и японских интересов на Дальнем Востоке, о отнюдь не считает возможным рассматривать Японию как осуществительницу Евразийства; Россия-Евразия, представляющая в настоящее время СССР, единственна и незаменима в этой роли» (там же. С. 28). В пояснении к постановлению автор статьи подчеркивал, что евразийство, уважая «старые культуры народов Азии», не отождествляет себя с этими культурами, что политика Японии представляет собой своеобразный «азиатский европеизм», но никак не евразийство. Японские интересы в Азии империалистические по сути, Россия же не испытывает потребности в «колониальном завоевании Азии» (там же. С. 28, 29).

⁴⁹ В оригинале письма замалевана строка и надписан сверху текст.

⁵⁰ Псевдоним Н. В. Устрялова.

политике, экономике, этнографии и пр. Маньчжурии, Монголии и близлежащих краев — со злободневным оттенком). Повторяю эти обстоятельства на всякий случай. Не исключено, что мое прошлое письмо не достигло своего назначения. Псевдоним др. Лоу мне показался во вкусе Д<альнего> Востока, где японо-китайское так причудливо сочетается с англо-американским. В конверте лежит первый гонорар др. Лоу — несколько менее ста крон — скажите, что с ним делать?..

Я до сих пор еще не отозвался как следует на Ваше чрезвычайно обрадовавшее меня сообщение, что Вы, быть может, этим летом появитесь в Европе. В связи с Вашим приездом в голове моей роятся самые разнообразные проекты, конечно, исключительно личного и идейного свойства. Хочется о многом рассказать, со многими людьми познакомиться. Если это возможно — позвольте просить Вас начать стовор уже сейчас. Ведь при наших финансовых (а для многих и служебных) обстоятельствах весьма важно заранее знать — как повернуть свое время и как приспособить свои всяческие возможности. <...>

Надо признать, что здешняя эмиграция все же более сдержанно подходит к назревающим конфликтам и более критически ко всякого рода арапам и спекулянтам на крови. Разговоры а ля Возрожденческое фокусничанье с интервенцией⁵¹ идут, но не очень громко и не очень уверенно. Достаточно силен другой лагерь. Этот другой лагерь состоит из весьма разнообразных элементов: тут и Милюков, и часть правых; по-видимому, и Деникин здесь же (что играет большую роль для настроений Общевоинского Союза)... здесь часть духовенства... социалисты... просто патриоты — их чрезвычайно много и они составляют никем не организованный разряд эмигрантских культурников-одиночек... здесь же, разумеется, евразийство. Что касается младороссов, то они «за национальную революцию». Говорят: в момент конфликта — мы внутри СССР против ВКП(б). А вот крестьянороссы, очевидно, за «толчок извне» — Вы понимаете, что это значит.

Я еще не писал Вам, что П. Н. С<авицк>ий выступил здесь с большим, прямо скажу, блестящим докладом о Дальневост<очных> событиях?

⁵¹ 1 марта 1932 г. в газете «Возрождение» появилась передовица «Япония и русские эмигранты», в которой подчеркивалась лояльность японских властей по отношению к русским эмигрантам в Маньчжурии, критиковались антияпонские настроения в мировой прессе и выражалась следующая позиция по отношению к ситуации на Дальнем Востоке: «Каковы бы ни были различны конечные цели Японии и русских национальных сил, эти силы совершают одно и то же огромное дело — борьбу с большевизмом на всем Востоке. В этом смысле Япония сейчас имеет единственных верных союзников — русских эмигрантов. И русские эмигранты, в свою очередь, впервые обрели действительного союзника в лице Японии» (Возрождение. 1932. № 2464. 1 марта).

Об этом прочтете в № 20 «Евразийца»⁵². П. Н. С.⁵³ сказал, что «содействовать иностранцам или желать им успеха — есть прямая измена отечеству». Также и я сделал аналогичное заявление. В ее среде распространено выражение: если бой, то только спиной к Москве. Эта позиция для нас настолько естественна, что ей Богу меня удивляет — неужели ни ее литература, ни наша переписка не открыла еще Вам настроений, принципов и стремлений ее? Мы собираемся выпустить нечто вроде маленькой брошюры, в которой сказать о ЕА-ом отношении к конфликту, а заодно и поместить полностью наш ответ В.Н. Иванову. Конкретно — напечатать тезисы по докладу П. Н. С., перепечатать статью о Д<альнем>Вост<оке> из № 19 ЕА-ца и ответ Иванову. <...>

Вы спрашиваете о мировом антисоветском-антироссийском замысле. Да, это одна из тем моих постоянных размышлений и наблюдений. Есть много показаний «за». Если бы я не был в плену у очередных дел, которые прямо рвут время и силы, непременно перепечатал бы свою старую работу о мировом конфликте, взятом именно в этом разрезе. С тех пор, как написал ее, прошло 6–7 лет. Прошедшие годы во многом подтвердили тогдашние прогнозы. Это — та самая работа, которую хотел послать Вам еще в минувшем году. Факт тот, что друзей у России нет. Нашим поневоле другом может быть Америка (САСШ). Но при нынешнем режиме СССР — и этот проблематический друг отпадает. Около этого пункта сосредоточено такое количество всевозможных противоречий и предположений, что прямо голова кружится. И средство «от головокружения» — признание независимости, особенности и самодостаточности России-Евразии. Политика свободных рук — использование международных противоречий при опоре на себя — вот единственное, что непреложно... <...>

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
29 июня 1932. Прага

<...> ...Перечитал сейчас статью о Европе (стр. 358–368)⁵⁴. Именно так и думаю: «какой-то новый грандиозный духовный импульс, какой-то новый религиозный прилив — принесет возрождение». Да, это так. Как хорошо было бы, не стуча на машинке, а в последовательном разговоре выяснить разум проблемы и отыскать магистрали новой веры, точнее — разум и магистрали не новой веры, а нашего христианства — того, каким мы его пере-

⁵² См. примеч. 43. Обзор доклада П. Н. Савицкого был помещен в № 20 журнала «Евразиец».

⁵³ Здесь и далее «П. Н. С.» — П. Н. Савицкий.

⁵⁴ Речь идет о статье Н. В. Устрялова «Судьба Европы». К. А. Чхеидзе приводит страницы по второму изданию сборника статей философа «Под знаком революции» (Харбин, 1927).

живаем и осознаем. Мне представляется, что все мы — от тех коммунистов, для которых, например, проблема торговли есть проблема сначала нравственная (т.е. существенно духовная, религиозная), а потом хозяйственная и до последнего эмигранта, учувывшего веяние нового (только это хотя бы!), исходящее от Страны Родной — как назвал Россию Артем Веселый — все мы, говорю я, находимся накануне открытия нового исповедания. Какого? — Ясны элементы, неясны формулы. Элементы же: «Россия» (т.е. и православие, и «религия революции», и «бунт», и «возвращение билета» (не Бога я не принимаю...))... Так называемая «обезбоженная Европа» ...так называемый «прогресс науки» — все это элементы. Как возникнет из них, из их осознания «новый духовный импульс»? — Дело не малое. Но дело необходимое. «Смысл жизни человека — тот же, что смысл жизни мира» (В. Соловьев). — Обессмысленными жить — ни мир, ни человек не в силах... Необходимо построить жизнь на вечных началах. Но вечность предполагает бессмертие. А бессмертие — спасение. Мне кажется, к этой точке (спасение) сходятся все главные линии: христианства, науки, религии революции, нового слова о земле и небе. Федоров с небывалой остротой и — что страшно важно — в современных понятиях — ставит проблему спасения: одновременно христианскую и нынешнюю, сегодняшнюю!!! Но если историческое христианство учило об избранных, Федоров говорит о спасении всех (и в этом его православие); если историческое христианство относилось суд Божий на будущее — Федоров показал, что суд совершается все время, и что человек не подсудимый только, но и «сторона в процессе». Он может, он обязан защищаться... защищаться его назначение! — человек не раб, но сын Божий. Он может и должен обожиться, чтобы стать сыном.

...В этом отношении замечательные страницы у Тареева⁵⁵. Тареев — один из тех, кто дает понимание: что в христианстве отпадает, как шелуха, и что светит по-новому, — светит, чтобы «вести народы».

Хорошо понимаю — как отрывочны и «общие» эти замечания.

Вероятно, еще вернемся к этим вопросам. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
21 июля 1932

<...> И впрямь, здесь опять душно и напряженно. Город кишит всевозможными бандитами. Ежедневно грабят, убивают, либо уводят в плен (для выкупа) разнообразных людей. Уголовщина

⁵⁵ Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) духовный писатель и богослов, преподаватель нравственного богословия в Московской духовной академии, выдвигал идею христианской «философии жизни».

настолько тесно сплетается с политикой, что с трудом их различаешь, и невольно спрашиваешь — не есть ли политика организованная уголовщина и не прав ли уже старик Августин насчет *magnum latrocinium*⁵⁶ (его определение государства). Или это — специфически «евразийская» обстановка? (не в обиду Вам будь применен этот симпатичный термин). Но только жить здесь становится все грустнее, и не даром много людей белой расы торопится отъехать — кто в СССР, кто в Шанхай и т.д. В плане обывательском, действительно, ультра-паршиво. По-видимому, кто-то заинтересован в разгоне отсюда русского, да и вообще европейского населения. За пределами города — и говорить нечего: *bellum omnium contra omnes*⁵⁷. Прекрасная возможность изучать эмпирически естественное состояние, — если бы, впрочем, оно уже не было достаточно изучено. Но, при всем том, для политического умозрения — тоже немалое раздолье.

Снова обостряются японо-советские отношения. Не думаю, что этот год уже принесет открытый конфликт, хочу верить, что удастся его избежать и в следующем году, — но факт налицо: снова началось наступление манчжурского правительства на советские интересы в крае. Все это сгущает атмосферу над нашими головами. <...>

Конечно, хорошо бы побеседовать подробно на тему, затронутую Вами в последнем письме. Да, Федоров сейчас, несомненно, «звучит» (патетика творчества, оправдание и обоснование технического прогресса etc.). Но меня отталкивает от него то, что, быть может, должно признаваться особенно в нем ценным, — тот безграничный его оптимизм, то возвеличение человека, непонимание органической и имманентной трагедии мира. В каком-то смысле Федоров безвкусен и пресен, — либо его нужно иначе препарировать. У Соловьева всегда была глубочайшая интуиция расщепленности и трагичности мира, требующего для преображения новой творческой космологической катастрофы, — в Федорове этого нет. Кто переболел Ницше и Фаустовской культурой, тот не может воспринять христианство по-федоровски. Но в то же время, — прагматически, — система Федорова таит в себе возможность плодотворных импульсов. Быть может, ей предстоит «скрутить Люцифера изнутри», если только она сама не попадет в его когти... <...>

56 Большая разбойничья шайка (лат.). Так блж. Августин в сочинении «О граде Божием» называет государства, лишенные справедливости: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» (Блж. Августин. Творения: В 4 т. Т. 3. СПб., 1998. С. 150)

57 Война всех против всех (лат.). Выражение Т. Гоббса, характеризовавшего с его помощью естественное состояние человеческих обществ.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
17 января 1933

<...> Получили ли Вы мое очень большое письмо, а вслед за тем второе письмо, к которому была приложена копия первого? — Меня в особенности интересует судьба этого отправления, так как к нему приложена была последняя из имевшихся у меня копий моих тезисов по ДВ русской политике. Если у П. Н. С. не сохранился его экземпляр этих тезисов, то надо считать их погибшими. Между тем они имеют кое-какое значение: в 1931 году (насколько могу судить) я предугадал политику СССР, Японии и некоторых китайских кругов на ДВ... <...>

Мы вступили в новую фазу: из небывалых ныне бывавшей: фазу самоперерождения фактического состояния пролетарской диктатуры в некоторое состояние должного — его лучше называть идеократическим. Ищется немалая вещь: ясно сформулированная идея, которой готова подчиниться Страна. Когда эта идея будет высказана и когда стабилизация общегосударственной жизни приблизится к той нормализации, о которой Вы писали по поводу дел наркомпросных — тогда произойдет завершение собственно революционного процесса и кое-кто — волей, а больше неволей — принужден будет прочесть полновесно-историческое «Ныне отпускаеши».

С нетерпением ожидаю обещанную Вами статью о бесклассовом обществе...⁵⁸ На днях был доклад П. Н. С. о книгах Г. В. Вернадского. Зашла речь о «классах». Невольно возникла ассоциация: европейские разделенные между собою и соперничающие сословия: духовенство, дворянство, потом буржуазия, наконец, четвертое сословие. В Индии — объединенные единой религиозной концепцией, но резко разграниченные внутри себя — касты. В России — «чины и состояния», участники общего тягла, несущие иго единой государственной идеи — и в этом смысле объединенные, но внутри себя — разделенные по принципу несения данных обязанностей. Но если в Европе разделение между сословиями культивировалось во-первых, «фактами», фактически, во-вторых — экономически (отсюда и капитализм понятнее становится); а в Индии к религиозному освящению кастового общества присовокупилась нарочитая политика англичан, — то в России издавна наблюдается своего рода закон демотии: возможность (даже легкость) перехода из одного состояния в другое. При Иване IV и Петре I переходы носили массовый характер. Но и в другие времена можно

58 В письме Чхеидзе от 19 ноября 1932 г. Н. В. Устрялов упоминал о судьбе своей статьи «Бесклассовое общество», которую отказались печатать местные харбинские газеты, обещая послать ее ему в случае, если статью не удастся пристроить. Отправил он статью Чхеидзе лишь через год — в письме от 24 марта 1933 г. Статья вошла в сборник статей Устрялова «Наше время» (Шанхай, 1934).

было «выслужиться»... выдвинуться. Пусть это слово поведет Вас по пути дальнейших ассоциаций. В одной из своих старых статей в ЕА Хронике я пытался развить мысль, что европейская многопартийность возникла на почве наличия исторически сложившихся борствующих сословий. <...>

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
23 февраля 1933

<...> Писал ли я Вам, что в здешнем геополитическом обществе сделал два доклада: Новое о Китае и Новое о Японии. Ссылался на ДВ материалы⁵⁹ и даже демонстрировал их публике. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
16 апреля 1933

<...> Здесь опять очередные недоразумения на дороге, обострение японо-советских отношений. По-видимому, Япония переходит в наступление, но степень его серьезности еще неясна. В местных эмигрантских (обслуживающих японцев) газетах идет жестокая пальба по советской администрации КВЖД и явно инспирированная атака на советские интересы на Дальнем Востоке. В белых кругах открыто и радостно говорят о предстоящем походе на Забайкалье и создании буферного государства, «русского Маньчжу-го» из Восточной Сибири. Страшен сон, да...

Вообще говоря, историческая атмосфера, как кажется, начинает пронизываться темой раздела России. Два объекта «созрели для раздела»: Китай и Россия. «Довершение дела Версаля». Вам вблизи виднее, но судя по всему гитлеровская дипломатия будет упорно бить в эту точку. Объективно рассуждая, разрешить европейские трудности можно, действительно, лишь за счет русских земель — Украины, Кавказа, Туркестана. Счастье наше, что это не в интересах Франции, для которой всякое серьезное изменение status quo может быть только невыгодным. Однако, опасность бесспорно остается.

При таких условиях, с надеждой переводить глаза на Москву, и... тревога еще более обостряется. Положение в России, не скрою от Вас, за последнее время меня доводит до состояния психической депрессии в подлинном смысле. Быть может, это субъективное восприятие (очень бы хотел этого!), но я просто в испуге от перспектив. Где выход? Как быть с деревней? Что даст весенний сев? — Верю, Господи, помоги моему неверию!.. <...>

59 Доклад К. А. Чхеидзе был сделан на основе изданий по истории и экономике Китая, созданных харбинскими учеными и присланных Н. А. Сетницким. Перечень книг был приведен в письмах К. А. Чхеидзе Н. А. Сетницкому от 20 и 23 февраля 1933 (FP. I.3.37).

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
6 мая 1933

Дорогой Константин Александрович.

Недавно послал Вам большое письмо. От Вас за последние недели ничего нет. Мы сейчас погружены в треволения в связи с осложнением местной ситуации. Снова конфликтная атмосфера. В течение ближайших дней, по-видимому, должно выясниться: найдут ли компромисс, или начнется серьезная история. Разумеется, ключи ситуации — в Токио. Что там хотят?

Возможны три предположения:

1) Хотят разом разрешить дальневосточный вопрос. Оккупировать Приморье, организовать «буфер», быть может, до Байкала. Это означает войну с СССР.

2) Хотят взять «только» КВЖД. Тогда вопрос ставится как «локальное» недоразумение между Маньчжу Го и СССР. Маньчжу Го берет дорогу в свои руки под предлогом нелояльности советов к Мукденскому соглашению. Если советы с этим фактически примирятся, то вопрос на этом и закончится, тем более, что дипломатических отношений между Маньчжу Го и СССР доселе нет. Если же Москва не захочет отдать дороги и начнет в той или иной форме применять для ее возвращения реальную силу, Япония на основании союзного договора придет на защиту Маньчжу Го.

3) Хотят просто «прощупать» Советские настроения и добиться частичных успехов в проблеме КВЖД. Либо добиться формального признания Маньчжу Го со стороны СССР. Тогда возможен и компромисс на тех или иных условиях.

<...>

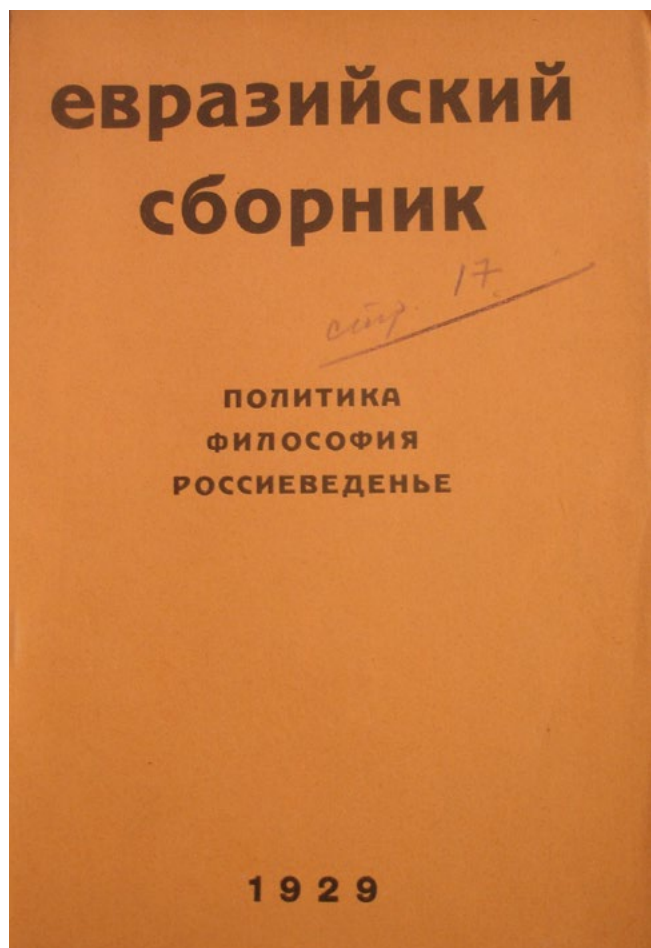
Так или иначе, положение здесь сейчас очень напряженное, и никто из нас не знает, что нам готовит завтрашний день. Все мы весьма привычны к подобным передрыгам, и потому выработался даже на этот счет своеобразный amor fati⁶⁰... но в конце концов все же это несносно и скучно. <...>

У нас за последнее время большое оживление среди белой молодежи, устраивающей диспуты, доклады etc. Но на всех этих докладах — совершенно беспросветная безнадежность, и интеллектуальная, и моральная, и политико-идеологическая. Герой сегодняшнего дня у них Гитлер, и дежурная идея — союз гитлеровской Германии с национальной Россией, — союз, к которому с востока присоединится Япония!!!

Скучно жить на этом свете, господа, ей-Богу!

Крепко жму руку. Ваш У.

60 Любовь к Року (лат.)

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
9 мая 1933

<...> Статья Ваша о гитлеризме⁶¹ еще не пришла. Жду ее с нетерпением. Конечно, Вы хорошо знаете, как сложен вопрос с Германией, и со стороны внутренней, и — еще более — со стороны внешней политики. Что нац<ионал>-социализм представляет собою крупную физическую силу — сомнений быть не может. Это сила крупная, грубая и опасная. Но идеологически движение это бедно. Молодежь повторяет ту незамысловатую и достаточно примитивную эклектику, которую сфабриковали вожди расизма. Надолго этого не хватит. Характерно: некоторые немцы говорят: «Нам не нужны ни Гете, ни Бетховен». На вопрос: «Что Вы думаете о мыслях Шпенглера? Не кажется ли Вам, что гитлеризм с его причиндалами и белендрясами как раз и знаменует переход к эпохе цивилизации, и даже эту эпоху?» — отвечают: «Да, это похоже на правду. Но нам не страшно...» Из дальнейшей беседы человек узнает, что вопрос о, так сказать, «инкорпорации» их «коридорной» восточной соседки предрешен. И даже время называют: будущую весну!.. Вводится всеобщая трудовая повинность,

61 К письму Чхеидзе от 11 февраля 1933 г. Н. В. Устрялов приложил вырезку из газеты «Новости Востока» со своей статьей «Гитлер у власти» (вышла 8 февраля 1933).

на улицах сжигаются книги Барбюса, Ремарка, еще кого-то. Студенты зачитываются Ницше, этим анти-Заратустрой и черным пророком, по определению Н. Ф. Федорова⁶²... но зачитываются не «По ту сторону...» или «Так говорит...» — а... всем тем, что относится к проблеме Воля к власти. Если не ошибаюсь, Ницше писал эту свою бешеную лирику уже совсем лишенный чувства архитектоники, которое связывает нас с миром подлинного и без которого ничто же бысть, еже бысть. Итак, чтобы не задерживаться на внутр<еннем> положении — там порядочная каша, и если бы не дисциплина и не увлеченность немцев самими собою — вероятно, не избежать бы им поворота к 1923 году. Но государственное единство сильно, сознание «мы — немцы» — тоже. Среди протестантского духовенства возникла мысль создания особой немецкой церкви — для служения немецкому Богу. Народ — носитель Бога... Это было бы, м<ожет> б<ыть>, не плохо, если бы не было выдуманно. А внешнее положение нисколько не яснее. С одной стороны, подтверждение Раппало⁶³, с другой — дружба с Италией, но тоже с ограничениями (Австрия «защищается» Италией, Францией и другими). С третьей — «плохая пресса» в Америке, с четвертой — неодобрение со стороны Англии... О Франции, Малой Антанте и Польше я уже не говорю. Для народа иных внутренних качеств и иного геополитического положения — может быть, все это сошло бы. Но я думаю, что гитлеризм — псевдоморфоza. Проблема Германии слишком тесно связана с проблемой Европы. Это — одна из внутренних европейских проблем, а вовсе не самостоятельная, отдельная, только германская. И основная ошибка гитлеризма — неучет этого момента... Первый вопрос: способна ли Германия приобрести гегемонию в Европе и перерешить вопросы, возникшие с 1919 года? — Неспособна. Второй вопрос: на каком пути она большего достигнет: на пути угроз Европе или соглашения с ней? — На втором пути... И по-видимому, мы еще увидим хорошенькие вещи... <...>

За событиями на ДВ слежу усиленно, и никак не могу допустить, чтобы дело перешло на трагик. Есть много способов стовориться. И, как видно из вчерашних газет, вопрос о мире на ближайшее время предрешен. Имею в виду готовность признания Союзом Манчжу-го и начало переговоров о продаже КВЖД.

Как это ни странно, но я встречаю самое легкомысленное отношение к вопросу о разделе России. Кондовые русские семьи говорят об этом как

62 Определение Ф. Ницше как «Черного пророка» было дано Федоровым в цикле статей о Ф. Ницше (см.: Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 122–126).

63 Мирный договор между Германией и Россией, заключенный в 1922 г. на Генуэзской конференции.

о легком насморке. Правда — не все! Те из нас, что пробыли в России дольше 1922–23 года — настроены патриотически. А те, кто выехал ранее этих лет — пораженчески. Вы угадываете историко-социологическую подоснову этого явления.

Недавние дебаты во франц<узском> парламенте показали, что в самом деле французы решили взяться за Восток. Правда, уже более полугода военный представитель Франции находится в Москве. Но мобилизация общественного мнения происходит только теперь... Как видно, Москва решила следовать заветам гр. Ростопчина (письмо к Павлу I по-моему?) — о независимости русской политики от европейских дел и о неимении иных связей с европейцами, кроме торговых⁶⁴. — Вслед за возобновлением «дружбы» с Парижем — возобновлена дружба же с Берлином. Сейчас Англия уже не та, что была при Питтах или Нельсонах. Ллойд-Джордж уже, собственно, показал, что лимит славы Британии — пройден. Та тригонометрия — Болдуин, МакДональд, Чемберлен, которая там происходит — чрезвычайный козырь в хороших руках. Русская проблема (в междунар<одной> политике) упирается в Лондон. А Лондон — если не четвертован, то по крайней мере расстроен — разделен на три части! Собственно, даже на четыре, если к консерваторам, либералам и лабуристам прибавить доминионы с их антиевропейскими уклонами.

Так что — на Ваш вопрос — как тема раздела России выглядит отсюда — должен ответить: будь делители посильнее — тема могла бы перейти из партитуры в оркестр. Но при данных условиях — партитура написана — и, м<ожет> б<ыть>, талантливо — дирижеры палочками машут — а оркестр не играет. И — полагаю — не заиграет.

О!!! — о, если бы курс внутренней союзной политики шел бы по правильному пути! — уверяю Вас, дорогой Николай Васильевич, мы разыграли бы, так сказать, партитуру Куденгове-Каллерги!⁶⁵ — недаром гитлеровцы спалили и его книжку. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
14 июня 1933

<...> Должен сказать, что я не разделяю Вашего оптимизма (относительного!) в вопросе о д<альне>в<осточных> делах. Положение рисуется мне

⁶⁴ Письмо, о котором пишет Чхеидзе, было написано Ф. В. Ростопчиным в декабре 1806 г. и адресовано Александру I.

⁶⁵ Речь идет об идеях австрийского графа Рихарда Куденгове-Каллерги, который в 1922 г. стремясь повернуть общественное мнение Европы к необходимости консолидации, прекращения внутренних распрей и перехода на пути сотрудничества населяющих ее государств, выдвинул идею Пан-Европы. В 1923 г. он выпустил в Вене книгу «Пан-Европа», настаивая на том, что Европа должна быть объединена политически, экономически, культурно, так чтобы тесные связи между государствами препятствовали развязыванию военных конфликтов.

достаточно печальным, и это совсем не потому, что «деревья» вблизи заслоняют в глазах моих «лес». Нет, нельзя спокойно относиться к тому, что мы «потеряем» Д<альний> Восток, но зато, быть может, приобретем что-то в другом месте. Руководствуясь этими соображениями и даже в разговорах ссылаясь при этом на геополитические конструкции ПНС, некоторые наши молодые люди здесь открыто проповедуют самое разнузданное поражение. Это крайне опасный путь. Я знаю, что ни Вы, ни С.⁶⁶ к нему ни в какой мере не причастны. Но Ваши «утешения» и самоутешения могут стать невольным шажком в его сторону. Положение очень серьезно. Если не произойдет, в сущности, какого-либо «чуда», нам здесь будет нанесен очень жестокий удар. Что же касается чудес, то они, как известно из популярно-научных толковников, «случаются редко и по преимуществу в древние времена». К счастью, впрочем, в истории они более частые гости, чем в природе; не будем же терять надежды и мужества... и поставим на этом точку, тем более, что ходить бывает склизко по камешкам иным. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
31 марта 1934. Харбин
31/III 34.

Дорогой Константин Александрович.

Хочу откликнуться на Ваш отклик на последнюю мою статью⁶⁷. Вы с нескольких строк отметили основную проблему: что это — «неувязка с прошлыми установками или эволюция к новым берегам?»⁶⁸

Разумеется, сам я много, очень много об этом думал, и статья писалась трудно; немало пошло на нее бумаги, и немало вариантов погибло — прежде чем появились окончательные формулировки. Конечно, Гераклит, Макиавелли, Ницше запа-

⁶⁶ П. Н. Савицкий.

⁶⁷ Речь идет о статье Н. В. Устрялова «Пути Синтеза (К познанию нашей эпохи)». Опул. в сб. статей Устрялова «Наше время» (Шанхай, 1934. С. 61–115).

⁶⁸ В статье «Пути синтеза» (1934) Устрялов пересматривал ряд прошлых тезисов, высказанных в частности в его работе «Проблема прогресса» (Харбин, 1931). В «Проблеме прогресса» господствовал философский пессимизм и убежденность в «крахе истории»; в статье «Пути Синтеза», не отказываясь от чувства катастрофичности мира, который «во зле лежит», выход из трагизма земного бытия Устрялов находит в творчестве истории. Критикуя идейные изъяны коммунизма и фашизма (Устрялов прямо употребляет здесь формулировку Н. А. Сетницкого «дробные идеалы»), он говорит о необходимости противопоставить им новый, созидательный, всечеловеческий идеал, который стал бы опорой социального строительства будущего, фундаментом «нового исторического синтеза». Этот «новый всемирно-исторический синтез» будет стоять под знаком христианства, одновременно включая в себя позитивные элементы прежних идеократических систем и прежде всего тот пафос активизма, преобразования жизни, научно-технического строительства, который так ярко проявил себя в русской революции.

ли слишком глубоко не только в сознание мое, но и в сердце, — чтобы можно было легко расстаться с ними... Да я с ними и не расстаюсь!

Дело в том, что пришла пора подводить кое-какие итоги, сводить счеты с самим собой. Публицистика, если она претендует на принципиальность, а тем более на «большой стиль», должна покоиться, как известно, на предпосылках мирозерцательных, на определенной философско-исторической хотя бы концепции. Не обязательно и даже не целесообразно эти предпосылки в каждой публицистической статье совать читателю, но нужно, чтобы они были и даже чувствовались — хотя бы «верхним чутьем». Эта предпосылочная концепция с молодости во мне жила (школа Вл. Соловьева — Трубецких, философские «гены» московского университета), временами, эпизодически она обнаруживала себя в суждениях по «философии эпохи» и, если угодно, «наполняла неким внутренним пафосом» политические мои высказывания.

Но годы текли не бесследно, не только накапливались впечатления в области конкретно-публицистических категорий, но и духовный опыт по необходимости расширялся, открывались, как говорят феноменологи, новые, т.е. дотоле не виденные «сущности». Однако этот багаж отдаленных предпосылок все было как-то недосуг пересматривать и перетряхивать.

Вот теперь и тянет разобраться в нем. «Проблема прогресса»⁶⁹ была в этом отношении первой попыткой. Ее суждения полны традиций, вполне для меня привычных: поздний Соловьев, К. Леонтьев, историософия Августина, иррационализм современной философии, Карсавин, Вышеславцев... Я вполне отстаиваю и сейчас все мысли этой статьи. Трагическое мирозерцание, идея катастрофического прогресса — это отнюдь не абсолютный пессимизм, тем более когда и трагизм, и катастрофизм интерпретируются христиански. Но интуиция «мир во зле лежит» — представляется мне неизбежной для всякой глубокой философии. Очень много в этом отношении дают великие мистики, а в наше время возьмите хотя бы Гейдеггера и нашего Вышеславцева.

Этот общий историософский «пессимизм» (отнюдь не являющийся пессимизмом, так сказать, «метафизическим» и по существу даже не заслуживающий названия пессимизма (Шопенгауэром я занимался⁷⁰, но никогда и ни в какой мере не увлеклся им)) совершенно не исключает ни проблемы

личного спасения (допускающей положительное разрешение), ни проблемы социального прогресса в условном смысле слова. В этом отношении и сейчас я готов защищать старые тезисы Новгородцева⁷¹ (в частности, последний верил же в Россию и ее миссию!) Необузданный федоровский оптимизм (позитивно-технический и этико-философский, если можно говорить о федоровщине, как философии) остается мне чужд и сейчас, как был чужд три года назад.

Вы глубоко правы: в отношении русской революции я всегда был оптимистом, остаюсь им и сейчас. Вы правы также: я считаю себя «бытийственным оптимистом», поскольку сознаю религиозно-христианские корни собственного мирозерцания. Соловьев «Трех разговоров» не перестал быть «бытийственным оптимистом» — перестал быть лишь оптимистом социально-историческим. Гераклит, Макиавелли и Ницше дают очень много для мудрого скепсиса по адресу ущербной эмпирии, и они должны быть включены в мирозерцание. Но они не должны быть венцом и итогом, над ними должен утверждаться могучий дух жизнеоправдания трансцендентного, свойственный христианству! Тогда и трагическое мирозерцание перестает быть безысходно пессимистическим.

Вы правы: «тонус» моей последней статьи иной, нежели дух «Проблемы прогресса». Но это потому, что здесь иной предмет рассмотрения. Я верю в возможность нового исторического синтеза, но отнюдь не считаю, что он означает собою: «остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Нет, конечно, безусловный идеал не слетит с этим новым синтезом на нашу прекрасную грешную землю... как не слетел он во времена Возрождения, когда, однако, было «весело жить» — науки процветали, искусства играли радугами (ср. абзац на стр. 18–19 «Пробл<емы> Прогр<есса>»⁷²)...

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
24 апреля 1934. Прага

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Васильевич! Отвечаю с некоторым опозданием на письмо Ваше от 31-III. Оно произвело на меня сильное впечатление. На такое письмо следовало

69 Речь идет о работе Н. В. Устрялова «Проблема прогресса» (Харбин, 1931), в которой была развернута критика идеи прогресса и подчеркивалось, что «проблема совершенного строя на земле объективно неразрешима» (Устрялов Н. В. Проблема прогресса. С. 45).

70 Н. В. Устрялов был автором обширной статьи «Этика Шопенгауэра», напечатанной в «Известиях Юридического факультета» (Т IV. Харбин, 1927. С. 235–283); отд. отт.: Харбин, 1927.

71 Н. В. Устрялов ссылается на книгу П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» (1917), направленную против утопического сознания.

72 Н. В. Устрялов ссылается на отдельный оттиск своей статьи «Проблема прогресса» (Н. В. Устрялов. Проблема прогресса. Харбин, 1931. 38 с.), имея в виду следующий текст: «Каждая эпоха имеет свою душу. Каждая эпоха знает свой прогресс и свой регресс. И все эпохи, полнота времен — вот образ торжествующего бытия: „что есть, что было, что грядет вовеки...“ Как в океане волны вздымаются и падают, так и в истории, творя свою драму, плещется в вечность раздробленный временем, пространством и категориями, воплощенный человеческий дух. И в лучах Всеединства брызги рассеянных ценностей играют сияющей радугой» (Указ. соч. С. 18–19).

бы ответить религиозно-научно-этическим трактатом. Но положение мое в бытии и быту (в данный момент) предоставляет мне рамки, не шире этого письма. Вы правы онтологически и филогенетически — в том смысле, что в самом деле (и с грандиозной обнаженностью) подходит время подведения итогов. Чему? — итогов разрывов и связей двух миров: старого и нового. Так сказать, рубежность положения всех нас зовет к этому и к этому обязывает. Чувства, испытываемые Вами, я думаю, разделяются всеми, кому дано слышать, видеть и (хотя в какой-либо степени) разуметь. Дело идет о не то что создании, но выявлении находящейся в процессе создания веры. Вера и вероятность — очень близки друг другу не только филологически. Каждое утверждение — вероятность. Крах средневекового мировоззрения объясняется также и тем, что невероятность его стала очевидной. Верить в невозможное (абсурд!!!) — можно. В невероятное? — а верить в невероятное (особенно тогда, когда тут же рядом дается, напр., Бруно и Галилеем) вероятное — почти смешно. Но если каждое утверждение — вероятность, то не справедливо ли признать, что побеждает более вероятная, более правдоподобная вероятность? — по крайней мере история идей и мировоззрений доказывает, что это — так и было.

Возвращаясь к темам Вашего письма и моих по этому поводу размышлений, хочу сказать следующее. Извините, если ограниченность местом и временем принудит меня не обосновывать, но излагать; не доказывать, а просто говорить тезы...

Перед нами задача выразить в более или менее стройной и законченной системе дух времени — то, чем дышит эпоха и куда стремится. Значит нам предстоит дать синтез. Из множества магистралей мысли выпячу главнейшие. Религия, наука, историософия, этика. Религия учит о неизбывной внутренней связи всего со всем. Наука рассматривает и обнаруживает отношения вещей. Историософия определяет (в порядке вероятностном) смысл материала, поступающего в сознание. Этика предъявляет требования поведения на основе долженствования. Понятно, Вы сразу видите, что историософию я понимаю в самом широком смысле. Это раскроется из дальнейшего. Но уже сейчас добавлю, что смысл, искомый историософскими построениями, в конце концов сводится к нахождению и выявлению единства процесса. Какого процесса? — До сих пор это не установлено.

Немцы, напр., писали мировую историю, оставляя в стороне историю «не-исторических народов». Бл. Августин связывал историю человечества с космогонией... Искать смысл это и значит искать единство. Но единство немыслимо без цельности. Но поскольку мы говорим о становлении (о процессе мировой истории), мы, рядом с представлением о реальности и в нем самом ищем и находим целесообразность (хотя бы и вероятностно обозначенную). В наш век связать все перечисленные магистрали и свести их к одному пути значило бы раскрыть религию в полном смысле этого слова. Т. е. систему мысли и систему делания. Забегая вперед, скажу, что «Русскую идею» вообще и федоровство в частности именно и расцениваю как попытку — волю — вдохновение к такому акту...

Диалектика — орудие, но не цель. Диалектика (сейчас) удобный метод. С его помощью распознаются закономерности. Диалектика позволяет науке и философии (историософии) идти в ногу. Но этого недостаточно. На основании этого (или,

лучше, в согласии и этим) — через интуицию, прозрение, экстаз и откровение необходимо дать всеобщее представление обо Всем. Я неясно выражаюсь, но Вы понимаете меня.

Мне кажется, в центре грядущей Всеобщей системы будет находиться учение об энтелехии, обновленное и расширенное. Тут и только тут возможно увязать генезис с телеологией. Факты с эти-

кой. И все вместе — с эсхатологией, от взгляда на которую, собственно, и зависит то, что мы условно именуем оптимизмом или пессимизмом. В одном месте своего письма Вы говорите: мир во зле лежит. Да. Но мир волит выйти из этого недолжного состояния. Выход мира из состояния зла — обожествление всех и всего — не это ли первейший завет? Что иное надо понимать под спасением?..

Мир (вселенная) вышел, исшел из Единого, чтобы стать Единым, вернувшись к нему. Оставляя в стороне разговорчики Паскаля (которые, может быть, по невежеству моему, ни на минуту не казались мне забавными) надо признать, что выраженное здесь вероятностное представление — наиболее возвышенное и вместе с тем наиболее согласное с высотами всех религий. Вопрос в том: каково участие человека в этом процессе? — есть ли человек объект? или он субъект? Или он со-субъект, соделатель?.. В уже известной Вам (по названию) моей работы о Субъект-субъектном отношении я пытался защитить последний

ЛУЧШАЯ КРИТИКА ИНТЕГРАЛЬНОГО КОММУНИЗМА ЭТО ТА, КОТОРАЯ СОЗДАЕТ НЕЧТО ЛУЧШЕЕ КОММУНИЗМА; ЛУЧШЕЕ И БОЛЕЕ ОТВЕЧАЮЩЕЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

взгляд⁷³. Взгляд, что человек объект — это наиболее безотрадный и противный нашему современному сознанию взгляд. Взгляд, что человек субъект, и притом единственный — ведет к атеизму, во всевозможных выражениях. Это, несомненно, ущербленный взгляд.

Но если человек не объект и не единственный субъект, то он — со-творец Единого. Это и есть так, ибо есть Все и есть я. И я являюсь частью Всего, но такой частью, которая осознает себя причастной Всему, хотя и несовершенно.

Разумеется, федоровство нуждается в больших поправках. Прежде всего — не-лепо, некрасиво (лепота — красота) представлять себе воссоздание людей такими, какими они были. Так же нелепо и противно нашему осязанию истины-красоты представлять себе, что нынешний неизменный (физически неизменный!!!) человек сумеет достичь бессмертия⁷⁴. Я когда-нибудь, с Божьей помощью, сведу свои замечания по поводу ФОД в одну статью и помещу ее где-либо... Но что в ФОД замечательно, это то, что оно дает прекрасные позиции для развертывания нового учения об энтелехии в указанных мною поворотах. Для Федорова человек — Сын и Дочь. Человек — соработник Бога во вселенной. Его призвание усовершенствовать Вселенную в пределах данного нам опыта. Ведь этически нельзя отказаться от добра, раз оно осознано. Осознав в себе волю к преображению мира, человек и должен идти по этому пути. Нет сомнения, что мысли Федорова об обращении оружия против несовершенства природы — благодатна. По мере усовершенствования — человечеству откроются новые, неслыханные перспективы. Федоров двигает человечество к этим перспективам.

Боясь быть разбросанным, перехожу все-таки еще к одному вопросу, затронутому Вами. Это — тема катастрофизма. Эволюция, как уже признано, состоит из малых и больших революций: из скачков. Катастрофы — это и есть скачки. В сущности, катастрофы происходят непрерывно: в ядре вселенной и всюду, на поверхности земли, в астросфере и на дне океана. Катастрофически пишу и я на машинке: каждый удар буквой — катастрофа, а следование череды слов — эволюция. Когда в деревне убивали 5–7 мужиков — это была катастрофа для деревни

и две строчки петитом для печати. Когда произошло трясение земли в Лиссабоне — это назвали катастрофой, а когда в Эчмиадзине — об этом никто и не узнал и т.д. Я хочу сказать, что вопрос о катастрофе связан с вопросом о лежании мира во зле и выходе его из этого лежания. Неправильно (мне кажется) думать, что «федоровский оптимизм» не чувствует зла мира или отрицает возможность катастрофического развития мирового процесса. Вот я во многом считаю себя федоровцем, но вполне допускаю последнюю катастрофу, через которую окончательно преобразится Вселенная. Но следует ли из этого, что я и сейчас должен сложить руки на груди или на другом месте и взирать беспристрастным оком на страдания и ужас? — Идея распятого Бога — это высшее, что провидел человек. Вселенная (выйдя из Единого и возвращаясь к Нему) и есть этот распятый страдающий Бог. Бог осознает себя в страдании в наибольшей степени. И когда мы со-страдаем (и притом деятельно), мы наиболее блаженны, то есть близки Божеству. Не сочтите меня помешавшимся, но в моем представлении энтелехия самым коренным образом увязана с образом страдающего Бога.

На этом заканчиваю философскую часть письма. Прошу Вас без скуки прочесть его, а по возможности разобраться в нем. В беседе с Вами я расту. Очень хотелось бы выразить с полной ясностью все мысли на эти темы. Но — см. начало!!! — я связан всем: судьбой, временем, местом.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову

17 октября 1933

17-X-33

Дорогой старший Друг! — письмо от 2-го сего <месяца> получил. Благодарю. ПНС и я решили использовать материал этого письма (если не его все целиком) в одном маленьком издании получастного характера. Изданию это будет состоять из трех статей: 1. Германия. 2. Д<альний> Восток. 3. Опыт Рузвельта. Надеемся, Вы не станете возражать против такого образа действия П. Н. С. и меня.

Это письмо пишу в день, когда в газетах появилось сообщение о напряжении в Сааре. Газеты пишут: «острейший конфликт неотвратим!» Вы знаете: положение в Германии более чем напряженное. Германия покинула конференцию по разоружению, вышла из Лиги Наций, распустила парламент, назначив новые выборы на 12 ноября. Не исключено, что еще до этой даты произойдут события самого серьезного содержания. Активность немцев провоцирует активность их соседей. Несомненно, перевес сил на стороне соседей. Поступки — и еще

⁷³ Работа о Субъект-субъектном отношении была дипломной работой К. А. Чхеидзе.

⁷⁴ Подобная реплика К. А. Чхеидзе в адрес «Философии общего дела» несправедлива: преображение духовно-телесного состава человека составляет у Н. Ф. Федорова «необходимое условие» бессмертия и воскрешения. По всей видимости, представление о том, что Федоров предлагает «бессмертие и воскрешение без преображения» сложилось у Чхеидзе под влиянием Г. В. Флоровского, в семинаре которого по истории философии он занимался в период учебы на Русском юридическом факультете. Впрочем, данное обвинение могло быть произнесено Чхеидзе, так сказать, в pendant Устрялову, так как в письмах другим своим корреспондентам он, развивая идею преображения мира и человека, всегда ссылается именно на Федорова.

больше: посулы будущих поступков немцев — морально развязывают руки их противникам. Никто не сомневается в том, что задача сокрушения «Третьего Рейха» — трудна и небезопасна для самих сокрушителей. Однако раздаются настойчивые голоса, призывающие «сделать это с ними сейчас, пока они это же не сделали с нами». Логика, как видите, столько же старинная, сколь и убийственная... Говоря реально: может ли быть сейчас повторение войны 1914–18 гг.? — по всем данным, не может быть. Возможно иное: применение санкций Версальского договора... Если сообразить всю историю хитлеровщины и силы враждующих сторон — те иностранные источники, орошавшие кассу мюнхеновского «Коричневого дома», о которых так много в свое время говорилось, которые (после прихода Хитлера к власти) замалчивались мировой прессой, а сейчас трактуются ею как вовсе не бывшие (пресса усиленно внушает, что деньги в эту кассу шли только исключительно из карманов Тиссена и др. «королей» «германской промышленности»), то картина приобретает неожиданное освещение. Возникает вопрос: не есть ли хитлеровщина, в какой-то своей части, орудие, изобретенное «друзьями германского народа?»

Вы догадываетесь, о чем я говорю. Мысль, на первый взгляд, невероятная, но на невероятном основаны главные события нашей лихорадочной эпохи, которую мы, за неимением другой, — увы, по старой привычке называем жизнью.

Итак — это о делах Европы.

Но цель моего письма заняться иным вопросом.

Я все еще продолжаю думать, что Д<альний> Восток находится в таких противоречиях, которые, в силу неопределенности своей природы, все еще не созрели для войны. Покуда не будет решен вопрос о северных границах Китая; покуда не выяснится: в какой степени Япония владеет Маньчжу-Го, — война не только ничего не решит, но грозит еще больше запутать нити клубка. Не может же быть, что японцы, люди, лучше всех понимающие дела Тихоокеанской проблемы, ринутся в игру, расчеты которой столь неясны!!! Конечно, все может быть, все может стать. Не исключено, что это мое письмо — одно из последних, если не последнее (из географии известно, что зимой и осенью на полях Маньчжу-Го властвуют северо-западные ветры. Так что газовые атаки выгодны лишь для одной из сторон. Опять-таки, просто не верится, что инициатива нападения будет исходить от той стороны, которая не имеет этой важнейшей выгоды!!!)

И хотя я так думаю, тем не менее, полное очищение всей территории Маньчжу-Го сов<етскими> представителями, — представляется неизбежным. Оно, наверное, уже происходит. Возникает вопрос: что будут делать те или иные люди?! Понятно, ко-

е-кто не без удовольствия или неудовольствия переедет в центр<альные> части Союза. Кое-кто прирастет-таки под сенью новой державы. Кое-кто принужден будет искать по свету и т.д. Размышляя таким образом о тех людях, судьба коих мне в высшей степени безразлична, я прихожу к выводу, что им следует, т<ак> ск<азать>, предупредить события и заранее наметить пути отступления — но (сейчас же подчеркиваю это!) — такого отступления, которое обязательно должно иметь наступательную природу.

Уже неоднократно на листах нашей переписки поднимался вопрос о идеократии. Совсем недавно г. П. П. Гронский в отзыве на известную Вам книгу сблизил и соединил Вас и нас в некое идеократическое единство⁷⁵. Но и без просвещенных усилий г. Гронского известно: в свое время Вы опередили нас в целом ряде пунктов, впоследствии Вы и мы шли параллельными, порою сходящимися путями... Мне кажется, к настоящему времени внутри Союза и вне его существует ряд течений и групп, с разных сторон подошедших к единой теме, которая задана нам и нашей эпохе и составляет ядро вещей этой эпохи. Тема эта — Идеократия.

Если это так (а это наверное похоже на правду), то лицо, вовремя и авторитетно вышедшее с провозглашением идеократии, объединившее вокруг себя союзные, эмигрантские и иностранные течения — может стать, не только Бакуниным плюс Герценом, но еще иными воплощениями деятелей истории.

Сейчас лучшая арена деятельности в этом смысле — Сев<ерная> Америка. Не мне говорить Вам о преимуществах этой страны. Там огромный и кровный интерес к России, к проблемам плана, автаркии, переустройства жизни на новых началах. В школах введено изучение сов<етской> экономики — уже это одно показательно. Но — ради Аллаха! — позвольте мне не перечислять другие данные, говорящие в пользу Америки — они Вам известны досконально.

И вот я мечтаю.

Лицо, о котором идет речь, переезжает в Америку. Авторитет его имени, смелость и неожиданность его поступка. Наконец, сама легенда, связанная с его судьбой в русской революции, — все это открывает ему самые трудно открывающиеся двери. Он входит в эти двери. Говорит нужные слова. Указывает правильные цели. Ему предоставляются всяческие возможности. Он создает журнал «Идеократия» на нескольких языках. Журнал с первого номера приобретает мировое значение. В нем собраны лучшие силы русской заграницы. В нем

75 По всей видимости, речь идет об отзыве на книгу Н. В. Устрялова «Наше время». Павел Петрович Гронский (1883–1937) юрист, общественный и политический деятель, один из убежденных противников сменовеховства.

участвуют иностранцы, вдумывающиеся в ход болезни человечества — подобные хирургам и терапевтам, во всеоружии сведений и опыта... Этот журнал особо издается на родном языке. В адском количестве экземпляров. Американский масштаб и американская техника соединяются с русской жертвенностью и умением служить идее...

Боже! эта картина может увлечь Бог знает до каких пределов фантазии!!!

Но скажите, ради Аллаха: что тут невозможно-го??!!

Все возможно, все исполнимо.

Вот это — и составляет истинную тему моего письма.

Знаю: оно написано убийственным языком. Но верьте, это лишь потому, что писалось это письмо под диктовку порыва, уже давно владеющего мною.

Очень и убедительнейше прошу Вас ответить мне на него, по возможности скорее. Разумеется, мои мысли могут вызвать Ваше неудовольствие. Я учитываю это. Однако и тем не менее: я убежден, что логика событий (международных и союзных) подсказывает если не то, о чем пишу, то весьма близкое к этому.

На этом заканчиваю. Приношу Вам свое признание, шлю Вам лучшие приветы и вновь желаю такого здоровья, каким отличаются жители наших ущелий, и такой энергии, какая изображена в романе Гладкова.

Преданный

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
8 октября 1934. Харбин

<...> Признаться, очень меня заинтриговала Ваша идея «собора сил». Если САСШ никогда меня не соблазняли, то Европа и, в частности, Прага — совсем другое дело. Нечего и говорить, с какою радостью отправился бы я в этот дальний вояж. В сущности, заветной моей мечтою, едва не осуществившейся в 1929 году (когда уже и билеты на пароход были заказаны), была — поездка в Европу перед возвращением в Россию. Теперь, когда здесь наступает уже несомненный конец службы на КВЖД, та же мечта — опять оживает:

*Ihr habt euch wieder,
schwankende Gestalten!*⁷⁶

Но не знаю, как все это выйдет на деле. Не знаю еще многих «факторов»: какова будет установка Москвы в отношении увольняемых служащих дорожки и меня лично, будут ли платить «заштатные» деньги и если да, то где и как, etc... Наконец, ведь уж очень зыбка база желанного «собора»: земля наша столь малая, что даже, скажем, куренка в образе ежесемейника и то выпустить, пожалуй, не сможем!.. Не говоря уже о других трудностях... Да, конечно, грустновато — «желать действовать и не мочь действовать». У меня, впрочем, соответствующая грусть умеряется неким легким скепсисом по адресу «действий», кои мы предприняли бы даже в случае «мочи» действовать... По-прежнему значимость всех мыслимых зарубежных центров, даже и чисто идеологических, представляется мне весьма и весьма относительной. Идеократия создается на месте, и идеология ее зреет так же причудливейшим образом. Конечно, было бы неплохо фиксировать процесс этого созревания несколько со стороны, но даже если это и не удастся, особой беды не будет, и диалектика процесса от этого сколько-нибудь существенно не изменится. <...>

Продолжаю раздумывать над диалектикой. Начинать придется с Гераклита и Платона, продолжать Гегелем и кончать... идеократией.

Кстати, ведь, несомненно, идеократия предстоящего синтеза будет и должна отличаться от нынешних идеократий большим богатством, совершенством, универсализмом своей идеи. Это очень трудная проблема: совершенная (= свободная) идеократия. Если идеей-правительницей будет идея свободы («история — прогресс в сознании свободы» — Гегель), то чем государство идеократическое будет отличаться от государства нейтралистского? Ergo, нужно уразуметь истинный смысл идеи свободы. Свобода = любовь, бессмертие, Бог. «Свободная теократия» Вл. Соловьева? Совершенная идея! Но она — непременно сложная идея, вмещающая в себя, как «дом Отца», многие обители, утверждающая иерархию ценностей; как Платоново солнце, животворящее всех и вся. Тогда, очевидно, идеи должны перестать быть «злодеями»?..

Простите эти мысли вслух! Характерно, что наши письма, одинаково постулирующие «дальнейшее развитие диалектики», встретились где-то в центре Евразии! Значит ли это, что мысли эти носятся в воздухе?... <...>

⁷⁶ «Вы вновь со мной, туманные виденья» (нем.). Первая строка поэмы И. В. Гете «Фауст». Пер. Н. Холодковского.